
Рабиндранат Тагор
НАЦИОНАЛИЗМ
ACADEMIA

РАБИНДРАНАТ ТАГОР.

НАЦИОНАЛИЗМ

Перевод с английского
И. Я. Колубовского и М. И. Тубянского.

„ACADEMIA"
ПЕТЕРБУРГ
1922

Первое английское издание вышло в 1917 г.
перевод сделан с издания 1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Мировая война, поведшая ко всем катастрофам последних лет, возникла из-за событий на Балканах, где национальные вопросы с самых различных своих сторон приняли особенно обостренную форму. Взрыв национализма кончился взрывом всей Европы Поэтому не прав ли Рабиндранат Тагор, критику национализма превращая в критику всей европейской цивилизации? Заключающие ритмы книги—«Закат эпохи», написанные по-бенгальски в последние дни последнего столетия(last century),знаменательно совпадают с «Закатом Европы» Шпенглера. И тут такая же, как у Шпенглера, претензия на то, что прозрения мыслителя могут предвосхитить события. Один—индус, другой—европеец; один—чужой, другой—свой: оба в один голос выносят смертный приговор нашей культуре. Подлинно ли она обречена на гибель и насколько убедительна ее критика, в нашем случае, у Тагора? Мы не в состоянии здесь разрешать это вопрос, можно только отметить те пункты, на которые должно быть обращено особое внимание.

Самый простой, считающийся с наиболее внешним, но продиктованный от этого не менее внутренним убеждением упрек Тагора европейской культуре заключается в том, что она не эстетична. Но не обусловливается ли он слишком тесной базой специфически национальной эстетики автора? Что не живет, пребывая в постоянном созерцании своей собственной красоты, то может быть до конца и во всем красиво. Но современная цивилизация прежде всего грандиозное орудие-машина, направленная на накопление материальных благ, которые затем могут получить себе применение согласно нашим духовным усмотрениям. Рационально сконструированное орудие не может быть красиво в ущерб своей действенности. Нельзя требовать красоты от каждого акта работы, особенно же когда мы находимся в периоде становления, о р г а н и з а ц и й. Тагору ненавистно самое этого слово—о р г а н и з а ц и я, но не потому ли, что он разумеет под ним только то, что указывает на окончательную завершенность, и упускает из виду истинную динамичность его природы. Но если мы не будем искать одной

красивости для взгляда, то не обнаружится ли в нашей цивилизации своеобразная красивость мускульного напряжения, красивость фабрики, правильно работающей полным ходом. Грязь, копоть—все это временные, легко устранимые явления, и они не существенны для того, кто живет будущим.

Но правильно ли самое это устремление в будущее, принесение ему в жертву, пожалуй, всего лучшего, что может быть в настоящем. Заботясь о совершенстве цивилизации, как орудия, не превращаем ли мы ее в конечном счете в самоцель, не попадаем ли в рабство к тому плотскому, что копим ради духовного? Рабиндранат Тагор без колебания отвечает утвердительно на все эти вопросы. Но не смотрит ли он слишком издали на сложный механизм европейской жизни? За сложной сетью зубцов и передач, за сплошной стеной аппаратов он не видит тех людей, что управляют всем этим сочетанием машин. Пусть этих людей немного, пусть они создали части своего механизма из других людей, играющих роль простых средств достижения их замыслов, но все же не доказано, что эта машина цивилизации руководится не духовными стремлениями, что еще важнее—не может ими руководиться, так как если сейчас что и происходит не должным образом, то всегда возможна революция—восстание против узурпаторов, захват в свои руки основных рычагов.

Да, нужно признать, что нашей современной цивилизации чужда гуманность. Рабиндранат Тагор часто говорит словами евангельских истин, было бы, однако. слишком сложно здесь разрешать вопрос об его отношении к христианству. Снова возникает ницшеанская мысль о христианстве, как религии уставшей, истощившейся в своих буйных творческих силах культуры. Тогда понятно, почему и современная индийская религиозная мысль легко проникается духом христианства. И не лучше ли современной цивилизации прямо заявить, что ее будущность, ее творческие силы не имеют ничего общего с христианским умонастроением. С точки зрения христианина они всегда—вражда и соревнование, нагромождающие все новые насилия и кровопролития, но на самом деле их положительный смысл может быть оправдан только возрожденным язычеством. Индивидуум действительно гибнет, как самостоятельное духовное целое при современном строе жизни, но утверждение силы и ценности личности в обществе, государстве, церкви разве не может быть понято, как темные следы варварства средневековья на светлом лике античности, которая не знала столь гибельной распри между индивидуально моим и общим.

Но наиболее существенным в критике Тагора, пожалуй, следует признать указание на развитие в европейской культуре сил саморазрушения, неумолимо влекущих ее к гибели. Но ведь так легко здесь ошибиться и принять временную заминку, кризис, неизбежный во всяком жизненном деле, за верные признаки наступающей смерти. Особенно это становится возможным, если вспомнить что Тагор весь облик культуры рассматривает в рядоположности

статически завершенного, восточно-монументального и чуждого западного порыва вперед, динамической направленности в будущее („фаустовская душа“ Шпенглера). Можно, конечно, отрицать самую ценность такого уклона вперед, свойственного всей культуре, но тогда речь должна итти о сравнении двух культур между собой, соотношении их духовных сущностных составов.

Но даже если прав Тагор в своих зловещих предсказаниях, не противоречит ли он сам себе одновременно с этим производящейся проповедью мирного сближения Востока и Запада, должного признания взаимных заслуг, необходимости поддерживать друг друга в выполнении высших предначертаний. Чем может Запад помочь Востоку, раз он обречен превратиться в ничто, в корне не прав в своей действенности, и как Восток может спасти Запад, не налагая на себя ярма организации? Слова о должном синтезе остаются только словами, но реальные пути к нему не указываются. Национально-государственное ничто Востока должно распространить свою пустошь до последних пределов Запада, и тогда откуда-то незримо снизойдет революция, которая даст духу абсолютное владычество над плотью.

Но Рабиндранат Тагор меньше всего реальный политик. А поэтому и его концепция только пародия на подлинную революцию. Дух не нуждается во внешних обнаружениях побед и во внутреннем пособничестве заговорщиков: он медленно зреет из глубины своего самодовления, не тяготясь оковами плоти и не стыдясь осевшего на нем плотного слоя материальной копоти и грязи, неизбежных при работе. Но это не значит, что дух должен унижать плоть, пренебрегать ею, отрицать все, что не он сам. Истинным дух станет тогда, когда обретет соответствуюшее тело – тело воплощенной истины. Но это будет результатом не внезапного преображения (как учит христианство), но плодом постепенного совершения, не преодолением плоти, но ее утверждением в духовном.

Путь же к этому в реальной политике, в идеализме того, кто, зная дух, видит и плоть во всей ее силе и красоте.

И. Колубовский

Петербург.
18-го сентября 1922 г.

НАЦИОНАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ

История человека принимает тот или другой облик в зависимости от затруднений, преодолевающихся на ее протяжении. Ими ставятся задания и требуется их разрешение, наказания же за их невыполнение—смерть и вырождение.

Эти затруднения различны для различных народов на земле, и в том, как они преодолеваются, обнаруживается наше различие.

Скифы раннего периода истории Азии должны были вести жизненную борьбу, вследствие скудости их естественных средств к существованию. Самым простым разрешением стоявших перед ними задач было превращение всего населения: мужчин, женщин и детей—в разбойничьи банды. И они были непреодолимой силой для тех, кто был главным образом занят положительной работой по созданию общественного сотрудничества.

Но к счастью для человека самый легкий путь не самый истинный. Если бы его природа не имела бы всей своей сложности и отличалась бы такой же простотой, как естественные потребности стаи голодных волков, то в настоящее время эти орды мародеров распространились бы по всей земле. Но когда человек встречается с затруднениями, он сознает в себе человека, он чувствует свою ответственность за более возвышенные способности своей природы, пренебрегая которыми, он, быть может, немедленно достигает успеха, но затем идет ко дну. Ибо препятствия

для существ низшего порядка оказываются счастливыми случайностями для высшей жизни человека.

С самого начала своей истории Индия имела свою собственную проблему—это была проблема рас. Этнологически различные расы пришли в тесное соприкосновение в этой стране. Это было и продолжает быть самой важной чертой нашей истории. На нас лежит обязанность подойти к ней вплотную и обнаружить нашу человечность путем раскрытия до конца всей полноты заключенной здесь правды. Ни в чем другом мы не будем иметь удачи, пока не выполним этого священного долга.

На свете существуют другие народы, которые должны преодолевать препятствия, ставимые физической средой, или сталкиваться с угрозой мощных соседей. Они организовывают свое могущество до тех пор, пока не только решительно освобождаются от владычества природы и окружающих человеческих существ, но и приобретают также тот избыток силы, который остается у них под рукой в качестве оружия против других. Но в Индии, в виду внутреннего характера возникавших у нас затруднений, наша история стала историей постоянного социального приспособления, которое заменило собой организацию силы в целях обороны и нападения.

Целью человеческой истории не может быть ни бесцветная неопределенность космополитизма ни самообожание яростного национализма. И Индия попыталась выполнить свое задание, с одной стороны, путем регулирования социальных различий, с другой, при помощи духовного признания единства. Она совершила тяжелые ошибки, слишком резко разграничив различные племена так, что все ее разделения оказались проникнутыми следствиями приниженности; подчас она обезображивала умственный строй своих сынов и ограничивала свободу их жизни в целях принаровления людей к социальным формам; но в течение столетий делались все новые пробы и приспособленность все улучшалась.

Назначение Индии походило на обязанности хозяйки, призванной озаботиться особыми удобствами для каждого

из многочисленных гостей, привычки и требования которых различны. Отсюда возникает бесконечное множество затруднений, разрешение которых зависит не от одного только чувства такта, но также и от симпатии и истинного осуществления единства человека. Над этим осуществлением и работал ряд великих учителей в области духовного, начиная от древних Упанишад вплоть до нашего времени. Их единственной целью было сгладить все различия человека, осеняя его присущим ему сознанием Бога. Действительно, наша история не сводилась к росту и падению царств, к борьбе за политическое превосходство. В нашей стране воспоминания о днях этой истории презрительно отброшены в сторону и забыты, так как в них совсем не выражается подлинная история нашего народа. Эта история говорит о нашей социальной жизни и о достижении духовных идеалов.

Но мы ощущаем, что наша задача еще не выполнена. Мировой поток обрушился на нашу страну, новые элементы проникли в нее. и поэтому нужно ожидать дальнейших попыток приспособления.

Мы с тем большей силой это чувствуем, так как учение и пример Запада направлены совершенно противоположно тому, что, по нашему мнению, надлежит совершить Индии.

На Западе национальный механизм торговли и политики выбрасывает из своей машины хорошо спресованные людские пачки, которые находят себе сбыт и обладают высокой рыночной стоимостью; но при этом люди сдавливаются железом, снабжаются этикеткой и сортируются с точной заботливостью науки. Ясно, что Бог создал человека для того, чтобы ему быть человеком; но это новейшее изготовление имеет такое точно расчитанное, удивительно прямолинейное назначение, отзывающее гигантским производством, что Создатель затруднился бы признать в нем часть духовного мира, творение, созданное по его собственному божественному подобию.

Но я забегаю вперед. Я имею в виду вот что. Нравится вам или не нравится, взгляните на Индию такую, которая по крайней мере в течение пятидесяти столетий старалась

жить в мире, предаваясь глубокому размышлению. Индию свободную от всякой политики, Индию, не знающую национальных разделений, но преследующую одну только цель познания этого мира, как души, погружения каждый момент своей жизни в духовную мягкость почитания, в радостное сознание вечной и личной связи с миром. Как раз на эту уединенную часть человечества, детскую по своему обличию и древнюю по своей мудрости, обрушилась Нация Запада.

Индия благополучно прошла сквозь все битвы, интриги и разочарования своей ранней истории. Это случилось благодаря тому, что подлинно духом страны были полны ее семейные очаги, ее поля, ее храмы, где воздавались моления богом, ее школы, где наставники и ученики жили вместе, проникнутые простодушием, благочестием и жаждой знания, самоуправление ее деревень, отличающееся простотой закона и крепостью управления. Но ее не касалась смена политического господства. Правительства проходили над ее головой подобно облакам, то окрашенным горделивым пурпуром, то полным громовой угрозой. Часто они производили опустошения на ее ниве, но все это было подобно стихийным бедствиям, следы которых скоро забываются.

Но на этот раз случилось иначе. По поверхности ее жизни не просто прокатился поток, поток пеших и конных воинов, богато разукрашенных слонов, белоснежных палаток и песротканных ковров, вереницы терпеливых верблюдов, согбенных под тяжестью царских даров, оркестров, оглашающих все звуками флейт и литавров, мраморных храмов и мечетей, дворцов и усыпальниц,—всего того, что было подобно пенящемуся напитку излишества, где непрерывно сплетались друг с другом моменты измены и честной преданности, превратности судьбы и драматические вмешательства рока. На этот раз вдвинулась в нее Нация Запада, запуская щупальцы своего механизма глубоко в почву.

Поэтому, я говорю вам, мы призваны свидетельствовать о том, что такое ваша Нация для человечества. Нам

пришлось пережить вторжение в Индию монгольских орд, но нам они были известны как племена с их особыми религиозными верованиями и обычаями, то похожими, то непохожими на наши,—и мы никогда их не знали как нацию-государство. Мы их любили и ненавидели сообразно обстоятельствам; мы сражались вместе с ними или против них, говорили с ними на общем языке и участвовали в вершении судеб державы, в которой нам дана была своя доля активности. Но на этот раз нам пришлось иметь дело не с царями-владыками, не с человеческими племенами, но с нацией-государством, тогда как мы сами не были такой.

Теперь, на основании нашего собственного опыта, постараемся ответить на вопрос, что такое нация?

Нация в смысле политического и экономического единства людей оказывается тем видом, который принимает все народонаселение, организованное для механического задания. Общество не имеет таких внешних заданий. Оно само цель, оно оказывается действенным самовыражением человека, как социального существа. Оно служит естественным регулятором человеческих отношений, дающим возможность людям развивать свои жизненные идеалы во взаимном сотрудничестве. Оно имеет также свою политическую сторону, но здесь ее задания определенным образом ограничены. Оно служит для самосохранения. Оно осуществляет только сторону силы, не имея отношения к человеческим идеалам. В прежнее время политические функции имели особое место в обществе, ограничиваясь профессиональной средой, но когда при помощи науки, благодаря более совершенной организации, мощь общества начала расти и зреть урожаем довольства, тогда она начала раздвигать свои границы с поразительной быстротой. Ибо в этом случае во всех соседних обществах вызывается жажда материального благосостояния, неизбежно с этим связанная взаимная зависть и страх перед ростом могущества соседей. Наступает время, когда этим чувствам уже нет удержу, так как соревнование становится все отважнее, организованность все обширнее и само-

удовлетворение претендует на верховенство. Пренебрегая страстями и страхами человека, стремление к мощи занимает все больше и больше места в обществе и, в конце концов, становится в нем господствующей силой.

Вполне вероятно, что благодаря привычке вы потеряли сознание того, что живые узы общества распались и уступили место чисто механической организации, признаки чего видны повсюду. Из-за этого об'явлена война между мужчиной и женщиной: исчез естественный переход, который раньше приводил к их гармонии, так как мужчина специализировался в производстве благ для себя и других, постоянно вращая колесо мощи ради своей собственной выгоды и выгоды общего бюрократического строя, предоставляя женщине одной рыдать или умирать в ее собственной борьбе, в которой ей не оказывается помощи. Итак, туда, где было естественным сотрудничество, вторглось соревнование. Самая психология мужчин и женщин в том, что касается их взаимного отношения, изменилась и стала психологией первобытных враждующих элементов, заменив человечность, которая стремится к своей полноте на основе единства, вытекающего из взаимной поддержки, так как элементы, утерявшие свою жизненную связь действительности, потеряли смысл своего существования. Подобно газообразным частицам, стиснутым на небольшом пространстве, они приходят в постоянное столкновение друг с другом, добиваясь уничтожения того порядка вещей, что привел к их заточению.

Далее, посмотрите на тех, кто именует себя анархистами, кто возмущается против применения насилия, в какой бы это форме ни обнаруживалось по отношению к индивидууму. Единственная причина этого в том, что сила-власть стала слишком абстрактной: это продукт науки, изготовленный в политической лаборатории нации путем разложения лично человеческого.

Каков смысл тех замешательств в мире экономических отношений, которые, подобно колючим растениям на каменистой почве, постоянно с возобновленной

силой все вылезают наружу, сколько бы раз их не выкорчевывали? Разве не указывается этим на то, что механизм производства благ непрерывно разросся до столь обширных пределов, что он потерял всякое соответствие со всеми другими потребностями общества, и полная реальность человека все более и более сдавливается под тяжестью этого механизма. Такое положение вещей неизбежно приводит к возникновению бесконечных распрей между элементами, потерявшими целостность и целомудренность человеческих идеалов, и нескончаемая экономическая война возникает между капиталом и трудом, так как стремление к благополучию и власти беспредельны, то и согласование интересов самоудовлетворения никогда не может проникнуться духом окончательного примирения. Они должны до конца питаться завистью и подозрительностью, до того конца, который наступает только благодаря внезапной катастрофе или духовному возрождению.

Когда подобная организация политической и торговой жизни, которая и именуется национальной, становится всемогущей за счет гармонии высшей социальной жизни, тогда—горе человечеству. Когда отец семейства превращается в игрока, и его семейные обязанности отступают на второе место в его умственной жизни, то он уже перестает быть мужем, но превращается в автомата, послушного только силе вожделения. Тогда он способен на вещи, которых он устыдился бы при нормальном состоянии ума. То же происходит и с обществом. Когда оно доводит себя до превращения насквозь в организацию силы, то мало найдется таких преступлений, на которые оно не решилось бы. Так как успешностью действия оцениваются и оправдываются машины, тогда как доблестность действий может служить целью и заданием только человека. Когда эта машина организации начинает принимать грандиозные размеры, и все меха-

ничное включается в эту машину в качестве ее частей, то остающийся личным человек сводится к одному только призраку, повсюду происходит переворот в образе действий там, где в машину в качестве частей входят люди, которым теперь не уделяется никакой доли жалости или нравственной ответственности. Может случиться, что как раз среди действия всего этого аппарата моральная природа человека попытается заявить о своих правах, но все ряды колес и пружин трещат и стучат, силы человеческой сердечности придушаются силами человеческой автоматичности, и нравственная цель только с трудом может найти себе выход в какой-либо искаженной форме того, что ею достигается.

Эта отвлеченная сущность, нация, правит Индией. Часто вам приходилось видеть пищу в консервированном виде, совершенно готовую к употреблению, как об этом гласили этикетки, и упакованную без всякого содействия человеческой руки. Тому же может быть уподоблено правление Индией, где также прикосновение человеческой руки сведено на нет, по мере возможности. Власти не нуждаются в знании нашего языка, они не желают вступать с нами в личное соприкосновение помимо оффициальных отношений; они могут способствовать или противодействовать нашим стремлениям, оставаясь в презрительном отдалении, они могут толкать нас на известный образ действия и затем изменять направление, в котором мы движемся, одним мановением полицейского жезла; английские газеты, с известным вдохновением, приличествующим случаю, говорящие об уличных происшествиях в Лондоне, едва упоминают о волнениях, охватывающих в Индии области иногда более обширные, чем вся Великобритания вместе.

Но мы, подвергнутые этому управлению, не являемся пустой абстракцией. Мы, с своей стороны, индивидуумы, обладающие живыми чувствами. Пусть преподносящееся нам в виде политики чистого миро-

любия поражает истоки нашей жизни, угрожает всему будущему нашего народа, подвергая его опасности беспрерывного искоренения всех мужественных сил, что ведет к беспомощности,—все это не затрагивает никакой человеческой струны на другой стороне, даже самым слабым образом на нее не действует. Там, где человек остается индивидуальным человеческим существом, он никогда не решится до такой степени систематически пренебрегать всей той тяжелой ответственностью, которая должна на нем лежать при подобного рода актах, касающихся всех и каждого. Такой образ действия становится возможным только тогда, когда человек уподобляется осьминогу абстракций, запускающему свои узловатые щупальцы по всем направлениям, присасывающемуся бесконечными отростками к самому отдаленному будущему. В этом царстве нации управляемых всюду преследует подозрительность; это подозрительность устрашающей массы организованного мозгового вещества и мускулов. Выковываются наказания, которые оставляют за собой целый хвост несчастий на окровавленном пути человеческой сердечности; но эти наказания создаются чисто абстрактной силой, благодаря которой целое народонаселение далекой страны теряет свою человеческую личность.

Но моя задача здесь, как никак, сводится не к обсуждению несчастий моей страны, но к рассмотрению того, что грозит будущности всего человечества. Вопрос идет не о британском правительстве, но о правительстве нации, нации—которая представляет организацию самоудовлетворения всего народа в том, в чем он менее всего человечен и менее всего духовен. Наше единственное внутреннее знакомство с нацией ограничивается знакомством с британской нацией, и, поскольку дело касается управления путем нации, имеются основания полагать, что британское правление одно из лучших. Далее, с другой стороны, мы должны рассмотреть, в чем Запад необходим для

Востока. Мы составляем дополнение друг к другу из за различных прозрений наших на жизнь, дающих нам различные стороны истины. Поэтому, как ни справедливо то, что дух Запада обрушился на наши поля в образе бурного вихря, он все же таит в себе жизненные семена, сохраняющиеся на вечное время. И когда в Индии мы сумеем применить в нашей жизни непреходящие стороны западной цивилизации, мы будем в состоянии произвести примирение этих двух великих миров. Тогда придет конец господству одной стороны, что надрывает сердце. Более того, мы должны осознать, что история Индии принадлежит не одной какой-нибудь отдельной расе, но является творческим процессом, которому способствовали различные племена мира—дравидские народы и арийцы, древние греки и персы, магометане Запада и магометане центральной Азии. Теперь, в конце концов, пришла очередь и англичанам сыграть нужную роль в нашей истории и воздать ей должную дань своей жизнью, и мы не имеем никакого права и никакой возможности исключать этот народ из числа тех, кто трудится над историческим назначением Индии. Поэтому мои взгляды на нацию имеют больше отношения к истории человека, чем специально к истории Индии.

История достигла той ступени своего развития, на которой человек нравственности, целостный человек, все больше и больше, сам почти не зная того, отступает на задний план перед политиком и коммерсантом, человеком ограниченного задания. Этот процесс, которому способствует удивительное развитие науки, принял гигантские размеры по своей мощности, произведя полный переворот в нравственном равновесии человека, затемняя сторону человечности бездушной организацией. Мы почувствовали железный охват этого переворота в самом корне нашей жизни и ради человечества мы должны прямо встать и предостеречь всех от национализма, который подобно страшной эпидемической болезни распространяется по

всему миру в настоящее время и подрывает его нравственную жизненность.

Я испытываю глубокую любовь и большое почтение к британскому народу, к его облику человечности. Он произвел мужей с великой душой, мыслителей, блещущих великими мыслями, творцов великих дел. Он создал великую литературу. Я знаю, что этот народ любит справедливость и свободу и ненавидит ложь. Он чист разумением, откровенен в обращении, искренен в дружбе; во всем своем поведении он отличается честностью и твердостью. Личное знакомство мое с представителями его литературы не только увеличило мое восхищение силой их мысли и выражения, но также обнаружило их рыцарскую человечность. Мы восчувствовали величие этого народа, подобно тому, как мы созерцаем солнце; но как нация, для нас он густой туман из удушающего вещества, заслоняющий самое солнце.

Это управление при помощи нации не может считаться ни британским, ни вообще аттрибутом какой-либо другой страны; это—прикладная наука, и поэтому оно более или менее схоже повсюду в тех принципах, которые здесь применяются к делу. Оно подобно гидравлическому прессу, давление которого безлично и поэтому до конца обнаруживает свою действенность. Различные машины могут обладать различной мощностью. Некоторые из них могут управляться рукой, оставляя полную возможность удобной неторопливости в их применении, но по своему духу и методу они мало обнаруживают различия между собой. Наше правительство могло быть голландским, французским или португальским, и все же получились бы по существу те же черты, которые мы имеем теперь. Может быть, только в некоторых случаях организация была бы не столь законченной, и поэтому некоторые обрывки человечности остались бы еще на нашем несчастном теле, которые позволили бы нам иметь дело с тем, о чем напоминает наше собственное надорванное сердце.

Когда нация-государство еще не воздвигла своего господства над нами, были у нас другие, чуждые нам правительства, и они, подобно всякому правительству, имели в себе нечто машинообразное. Но различие между ними и правлением нации-государства подобно различию между прялкой и ткацким станком. Когда человек прядет, магическое искусство живых человеческих пальцев находит себе выражение, и гудение прялки гармонирует с музыкой жизни. Но работа ткацкого станка неизбежно безжизненна, точна и монотонна в своем производстве.

Мы должны признать, что в прежнее время, при правлении сохранявшем черты личного, были случаи тирании, несправедливости и мучений. Причинялись такие страдания и такие беспокойства, от которых мы с радостью избавлялись. Защита закона не только благодетельна сама по себе. но и служит ценным уроком для нас. Здесь мы учимся дисциплине, необходимой для устойчивости цивилизации и непрерывности прогресса. Благодаря этому, мы уясняем. что есть всеобщий образец справедливости, на который могут рассчитывать одинаково все люди, независимо от того, к какой касте они принадлежат и каким цветом кожи обладают.

Это царство законности при нашем теперешнем правительстве Индии установило порядок в этой обширной стране, население которой принадлежит к племенам, различным по своей расе и обычаям. Оно создало возможность для этих народов входить в более тесное соприкосновение друг с другом и устанавливать общность стремлений.

Но это стремление к общей связи сотоварищества между различными племенами Индии было делом духа Запада,но не его национального принципа. Где бы в Азии население ни получало полезный урок от Запада, везде это происходило вопреки принципу западнаго национализма. Только благодаря тому, что Япония оказалась в состоянии воспротивиться владычеству националь-

ного принципа Запада, она могла в полной мере воспользоваться преимуществом западной цивилизации. Хотя Китай был отравлен этим принципом в самую пору расцвета своей моральной и физической жизни, его старания воспринять все лучшие уроки Запада могут еще увенчаться успехом, если только им не помешает национализм. Стоило только Персии восстать от ее многовекового сна по призыву Запада, как она тотчас же была приведена в молчание национализмом. То же наблюдается и в этой стране, где люди гостеприимны, но не таким оказался национализм, который заставил вашего восточного гостя устыдиться того, что он предстал пред вами, как член человечества, представляющий свою родную страну.

В Индии мы страдаем от этого столкновения духа Запада с национализмом Запада. Блага западной цивилизации отпускаются нам в ничтожных количествах национализмом, который мерой распределения старается сделать минимум жизненного существования. Частицы образованности, попадающие к нам, столь возмутительно недостаточны, что они должны оскорблять чувство приличия западного человечества. Мы видели, как в этих странах люди побуждаются вырабатывать в себе по возможности наибольшую приспособленность для великих стремлений торговли и промышленности, распространяющихся по всему свету, тогда как в Индии наше участие ограничивается только тем, что национализм заставляет нас плестись в хвосте. Лишая нас возможности использовать благоприятные случайности и сводя наше образование к минимуму, необходимому для того, чтобы управляться иноземным правительством, этот национализм старается умерить угрызения своей совести, именуя нас туземцами, распространяя тот оскорбительный цинизм, что Восток де восток, а Запад— запад, и никогда они не сойдутся вместе. Если поверить нашим учителям, возглашающим то положение, что, примерно, после двух столетий их опекунства,

Индия не только продолжает оставаться непригодной для самоуправления, но и неспособна обнаружить оригинальность в своих интеллектуальных достижениях, то мы должны приписать такое положение дела или каким-то природным особенностям западной культуры и нашей прирожденной неспособности воспринять ее или предосудительной скаредности национализма, который взвалил на себя лежащую на белом человеке обязанность цивилизовать Восток? Мы можем допустить, что японский народ обладает неизвестными нам качествами, но что наши умственные способности от природы бесплодны по сравнению со способностями японцев, этого мы не можем признать, несмотря на настояния даже тех, которым для нас опасно противоречить.

Правда в том, что дух распри и завоевания коренится в самом центре западного национализма, не знающего основы социального сотрудничества. Он развивает прекрасную организацию силы, но чужд духовному идеализму. Он подобен стае хищников, которая ищет себе жертв. Он ни за что не может допустить того, чтобы пространства, отведенные им для охотничьего состязания превратились в возделанные поля. Действительно, охваченные им народы борятся между собой из-за увеличения числа своих жертв и из-за расширения своих заповедных лесов. Поэтому западный национализм действует на подобие плотины, препятствующей свободному потоку западной цивилизации проникнуть в страну, не знающую нации--государства. Так как эта цивилизация является цивилизацией силы, вследствие чего она стремится к выключению всего, что не она, естественным образом она не склонна обнаруживать источники своей мощи перед теми, кого она выбрала в качестве об'ектов утеснения.

Но моральный закон в то же самое время оказывается законом человечности, цивилизация, которая в силу своего стремления к исключительности пренебрегает

теми, кто лишен его благ, произносит сама себе смертный приговор своей моральной ограниченностью. Рабство, которое она производит, незаметным образом иссушает ее собственную любовь к свободе.

Беспомощность, с которой она тянет вниз мир своих жертв, заставляет чувствовать, как в каждый данный момент сила тяжести обнаруживает свою власть над созидающей ее мощью. И больше чем полмира, у которого отнята этим принципом возможность самостоятельной жизни, в один прекрасный день станет самым ужасным бременем этой цивилизации, готовым увлечь ее в самую глубь разрушения. Где только власть ни снимает все препятствия с своего пути ради движения дальше, везде там она торжественно влечется к последней гибели смерти. Ее нравственная надорванность незаметным для нее самой образом становится все глубже с каждым днем, и, скользя по стезе удобства, она уже скользит по краю гибели.

Единственно что нам дала западная цивилизация в изобилии—это закон и порядок, тогда как мы почти до дна осушили предназначенную для нас небольшую склянку образованности, а меры здравоохранения в отчаянии приводят нас к краю своей собственной могилы: военная организованность, бюрократические учреждения, полиция, уголовный розыск, тайная система шпионажа в развитии своих трат достигают сверхъестественных размеров, покрывая собой почти каждый вершок нашей страны. Все это делается для поддержания порядка. Но подобный порядок не является ли чисто отрицательным благом? Разве не существует более удобных способов, открывающих народу пути к свободе и прогрессу? Совершенство подобных способов похоже на яичную скорлупу, истинное назначение которой в том, чтобы охранять безопасность цыпленка и окружающей его питательной среды, но которая вовсе не имеет в виду удобств того, кто будет за завтраком есть яичницу. Одно только администрирование непроизводительно, в нем нет

творческих начал, ничего жизненного. Оно похоже на трактор, громадный по мощности и по своему весу, полезный во многих случаях, но всетаки не могущий придать плодородия почве. Когда, выполнив поставленный ему громадный урок, он достигает того, что может обещать нам блага мирного существования, нам остается только подумать про себя: „мир хорошая вещь, но выше его нужно поставить жизнь—самый прекрасный дар Божий“.

С другой стороны, наши старые правительства самым печальным образом были лишены многих достоинств современного строя, но так как они не были правительствами нации-государства, они опутывали нас прозрачной тканью своих требований, в свободные промежутки которой наша собственная жизнь пускала свои ростки и диктовала свои требования. Я не сомневаюсь, что в это время было много такого, что было для нас крайне неприятно. Но нам известно, как, когда ходишь босиком по песку, наша нога постепенно приспособляется к изгибам чуждой нам почвы, но в случае, если мельчайшие частицы песку попадут в наш башмак, мы никак не можем привыкнуть к производимому ими раздражению. Эти башмаки похожи на управление нации-государства,—они туго стянуты, заставляют каждый наш шаг подчиняться не допускающей никакой свободы системе, в пределах которой наши ноги менее всего способны самостоятельно приспособляться. А потому, когда вы высчитываете, сколь велико число терний, по которым нам приходилось ходить в прежнее время по сравнению с их скудностью при нынешнем строе, то вы упускаете из виду пожалуй, самую важную сторону дела. Вопрос не в числе внешних препятствий, но в сравнительной беспомощности индивидуума в борьбе с ними. Ограничение свободы оказывается гораздо более существенным злом не в силу своих размеров, но из-за своих природных свойств. И нам остается только согласиться с тем парадоксом, что в то время как дух Запада шес-

твует под знаменем свободы, западные нации-государства куют свои железные цепи организаций, которые нужно признать самыми цепкими и несокрушимыми из всех, что создавались на всем протяжении истории человека.

Когда человечество Индии не было еще во власти этого правительства организации, изменения в образе правления носили достаточно эластичный характер для того, чтобы у людей оставались как физическое ощущение, так и духовное убеждение в том, что их судьбы зависят от них самих. Надежда на неожиданное освобождение никогда их не покидала, и свободная игра воображения и с той и с другой стороны, как у правителей, так и у подчиненных, обнаруживала свое влияние на историческое их развитие. Мы не натыкались на будущее, подобно как наглухо замкнутую белокаменную стену из гранитных глыб, навсегда отрезающую нас от возможности выражения и расширения своих собственных сил, и в своей безнадежности приводящую к тому, что сами наши силы атрофируются в своих истоках благодаря процессу паралича наводимого наукой. Так как каждый отдельный индивидуум, в области чуждого нации-государству, до конца сдавливается нацией в целом, неусыпная бдительность которой, будучи бдительностью машины, не обладает никакой человеческой силой, позволяющей охватывать все общим взглядом или различать. При малейшей попытке расцвета отдельного существования, чудовищная организация сразу начинает глядеть тысячью своих глаз, цепеняющий инквизиторский взгляд которых не может не настигнуть отдельную личность, как бы бесконечно ни было число управляемых. При малейшем повороте винта, при передвижении на один вершок, давление увеличивается, грозя удушьем безразлично каждому, будь он мужчина, женщина или ребенок из всего обширного населения, которому никак не найти освобождения ни в своей собственной стране, ни даже в какой-либо стране, лежащей за пределами родины угнетенных.

Мир современности стенает под постоянным, до смерти оглушающим давлением этой нечеловеческой силы на живое в человечестве. Не только покоренные племена, но даже вы, живущие в обманчивом убеждении своей свободы, каждодневно приносите вашу свободу и человечность в жертву этому фетишу национализма, находясь в сгущенной атмосфере, наполненной ядом подозрительности, корысти и паники, распространившихся по всему миру.

Я видел, как в Японии весь народ добровольно позволяет своему правительству дрессировать свои умы и ограничивать свою свободу, так что путем различных приемов воспитания точно устанавливаются мысли, вырабатываются чувства и встречаются подозрительностью всякие признаки склонности к духовному, так как народ узкой тропой ведется не к тому, что по правде истинно, но к тому, что необходимо для полной спайки всех в однообразную массу, изготовляемую согласно заранее данному рецепту. Народ приемлет это всепоглощающее умственное рабство радостно и гордо, руководясь напряженным желанием поскорее превратиться в ту мощную машину, которая именуется нацией и начать соперничество с другими такими машинами, вступив в их всемирный коллектив.

В ответ на вопрос о том, чем же мудро это стремление, вновь обращенный фанатик национализма ответит, что покуда этот мир кишит нациями, перед нами закрыт путь к свободному развитию своей высшей человечности. Мы должны приложить все свои способности к тому, чтобы противодействовать злу, приняв его в себя в виде прививки в возможно большей степени. Ибо единственное братство, возможное в современном мире, это — братание хулиганов". Установление братских уз любви между Японией и Россией, которое недавно с такой торжественностью при кликах величайшей радости с полным удовлетворением было отпраздновано в Японии, было обязано не какому-либо внезапному укреплению духа христианства или буд-

дизма, но проистекло из современной веры в более тесную связь, создаваемую взаимной угрозой кровопролития. Действительно, остается только признать все эти события, как проявления жизни мира, в котором господствует нация: единственная нравственная норма, здесь существующая, сводится к тому, что все народы земного шара должны до последнего предела напрягать свои физические, моральные и интеллектуальные силы в стремлении побороть друг друга в кулачном поединке за гегемонию. В древнее время Спарта все свое внимание обратила на старание стать мощной; она этого добивалась тем путем, что отсекала от себя все человечное, и она погибла от подобной ампутации.

Но для нас не может служить утешением сознание того, что ущерб наносимый человечности, от чего страдает настоящее время, не ограничивается только покоренными племенами, но свирепствует с еще большей силой—ибо здесь он производится с коварным умыслом заранее—среди народов загипнотизировавших себя убеждением в том, что они свободны.

Это принесение в жертву ваших высших жизненных стремлений, уступающих место выгоде и силе, происходит на основании вашего же собственного свободного выбора, и я оставляю вас здесь у останков вашей души, поглощенными созерцанием вашего блистательного благоденствия. Но разве никогда с вас не спросится, зачем вы довели до совершенства организацию стремлений к самовозвеличению целых народов и возвели это в благо. Я обращаюсь к вам с вопросом: во всей истории человечества, в самые мрачные времена его существования, было ли что-нибудь подобное этому ужасному несчастью господства нации, вонзившей свои челюсти в обнаженную плоть мира в целях постоянного противодействия его естественной усталости?

Вы, люди Запада, произведшие на свет эту извращенность, в состоянии ли вы представить себе то крайнее отчаяние, которое возбуждает этот мир дьявольского наваждения, в котором страдающий человек

отдан во власть призраку абстракции организованного человека? Можете ли вы поставить себя в положение тех народов, которые видят в этом вечное осуждение своей собственной человечности, но вы не только должны терпеть постоянное ущемление своих мужественных сил, но, сверх того, воздавать еще хвалебные гимны в честь благодетельного действия этого механического аппарата в его нескончаемой пародии на Провидение? Разве с самого начала существования нации государства вы не видели, что в лице ее явился страшный призрак, который охватил ужасом весь мир? Во всех темных уголках чудятся подозрительные тени тайного недоброжелательства к нему, и люди живут в постоянном недоверии к тому, что происходит за их спиной, где у них нет глаз. Легкий шорох шагов, чуть слышное движение по близости овевает все вокруг дыханием ужаса. И этот ужас родствен всему самому низкому в человеческой природе. Под его влиянием люди теряют всякий стыд и открыто пускаются на бесчеловечности.

Искусная ложь становится предметом самолюбования. Торжественность судебного разбирательства обращается в фарс, вызывающий смех именно своей торжественностью. Нация со всеми своими адскими средствами могущества и процветания, под своими национальными флагами и благочестивыми гимнами, под богохульственными молитвами в храмах и театральным громом своей ура-патриотической литературы не может скрыть того обстоятельства, что она—величайшее зло для народа, что все ее меры предосторожности обращаются против нее самой, и всякое появление на свет нового члена среди наций всегда вызывает в ее уме страх перед новой опасностью. Ее единственным желанием служит стремление воспользоваться слабостью всего остального мира, подобно тому как некоторые насекомые питаются телами парализованной жертвы, которая и не умерщвляется до конца, но сохраняется с той степенью жизни, какая

необходима для того, чтобы добыча оставалась приятной на вкус и питательной. Поэтому она не останавливается перед тем, чтобы впускать свой яд в жизненные соки всех других племен земного шара, которые, не составляя наций, совершенно безвредны. Поэтому нация-государство всегда находила и находит самую богатую добычу в Азии. Великий Китай, богатый своей древней мудростью и социальной этикой, своей выдержкой в промышленной жизни и самоуправлении, подобен киту, вызывающему страсть к разрушению в сердце нации. Он уже носит в своем трепещущем теле гарпуны, посланные неуклонностью целей нации, порожденных наукой и эгоистической заботой только о самом себе. Поражающие жалостью попытки его стряхнуть с себя традиции человечности и свои идеалы общежития и употребить последние, подходящие к концу, запасы сил на свое приспособление к требованиям современной производительности, приводят только к тому, что на каждом шагу они попираются нацией. Она туго сжимает Китай канатами финансовой зависимости, пытаясь вытащить его на берег и изрубить в куски, а затем воздать публично благодарение Господу Богу за то, что удалось перенести еще одно несчастье из существующих зол и разрушить возможность новых напастей. На основании всего этого нация претендует на благодарность истории и требует, чтобы вечность была отдана в ее распоряжение; она приказывает выкинуть победные знамена в свою честь по всему миру, считая себя солью земли, цветом человечества на самом-же деле проклятие Бога, ниспосланное им со всей свойственной ему силой на головы тех, кто живет в мире, не знающем нации.

Я знаю, какой совет вы мне подадите. Вы скажите: „сгрудитесь сами в нацию, чтобы противодействовать этому вторжению нации“. Но правильный ли это совет? Совет ли это по человечеству? Почему это неизбежно? Я охотно соглашусь с вами, если вы скажете: будьте добры, будьте справедливы, будьте искреннее в

ваших отношениях к людям, управляйте вашими пожеланиями, пусть вся ваша жизнь будет целостной по своей простоте, дайте возможность вашему сознанию Божественного в человеческом быть более совершенным в своем выражении. Но какое право имеете вы говорить, что самым ценным для вас служит не душа, но машина, и что спасение человека зависит от его умения подчинить себя совершенству мертвого опыта колес и зубцов? Что машина должна выдвигаться против машины, и народ против народа в бесконечном бое быков политического ристалища?

Вы скажете, что эти машины заключат между собой соглашение в целях взаимной охраны своих прав, которые будут основываться на конспирации, продиктованной страхом. Но будет ли этот союз паровых котлов обладать какой-либо душой, душой имеющей свое сознание и своего Бога?

Что случится с той большей частью вселенной, где страх не ограничивает вас ничем? Какие гарантии даются теперь странам, не знающим наций, против безудержного самоуправства наковальни, молота и нарезного винта, вызванных на свет взаимным соперничеством в могуществе. Но когда, вместо многих разрозненных машин, эти силы будут скованы в один прожорливый конгломерат организации, коммерческой и политической, сколь мало надежды останется у тех, кто жил и страдал, любил и благоговел, был поглощен глубокими мыслями и работал с кротостью, и чье единственное преступление сводилось к тому, что ему была чужда организованность?

Но скажете вы: „до этого нам нет никакого дела: неприспособленные должны стать к стенке, они осуждены на смерть, так говорит наука“.

Нет, напротив, говорю я, ради вашего собственного спасения они должны жить, и так говорит правда. Крайне смело с моей стороны утверждать, что человеческий мир—мир моральный, но я все же решаюсь на эту смелость не потому, чтобы в это нужно было

слепо верить, но в силу того, что так дожно быть по правде, которой опасно для нас пренебрегать. Та моральная природа человека не может быть разделена на кусочки и временно законсервирована в целях сохранения на будущее время. Вы не можете гарантировать ее сохранность дома путем запретов и тарифов, одновременно делая ее предметом совершенно свободной торговли за границей.

Разве вам недостаточно ясна эта правда в настоящее время, когда ужасы войны вонзили свои когти в живое тело Европы? Когда сокровищница ее богатств пошла прахом, и то, что было в ней человеческого, крошится в куски на полях битв? Вы с удивлением спрашиваете, чем она заслужила такое несчастье? Я отвечаю: тем, что Запад систематически умерщвлял свою моральную природу в целях заложения прочного фундамента для своих гигантских абстракций производительности. Повсюду здесь заставляли вырождаться жизнь личного человека в жизнь профессионала. В средние века вашей жизни, в Европе, простой и естественный человек со всеми своими яростными страстями и пожеланиями пытался примирить плоть и дух, враждовавшие между собой. В течение всей мятежной поры ее могучего юношеского развития бренные и духовные силы в одинаковой степени оказывали влияние на природу человека и выковывали из нее полноту нравственной личности. Всем величием своей гуманности Европа обязана этому времени дисциплины — дисциплины человека, сохраняющего свою человеческую целостность.

После этого наступил век интеллекта, науки. Нам всем известно, что разумное безлично. Наша жизнь и наше сердце одно с нами, но наш разум может быть отделен от личного человека, и только тогда он получает возможность свободно двигаться в мире мысли. Наш разум подобен аскету, который не носит платья, не принимает пищи, не нуждается во сне, чужд желаниям, не знает чувств любви, ненависти или сожале-

ния к человеческим ограниченностям, но только мыслит, оставаясь неподвижным посреди превратностей жизни. Он докапывается до корня вещей, так как он не может вступить в личное соотношение с самими вещами. Грамматик оставляет все поэтическое в стороне и, не стесняясь, докапывается до корней слов, так как он ищет не гениальности, но закона. Когда закон им найден, он в состоянии преподать людям искусство изготовлять слова. Это дает известную силу, которая в некоторых особых отношениях полезна, удовлетворяя специальным нуждам человека.

Реальность—это та гармония, которая всем составным частям вещи придает равновесие целого. Вы нарушаете его, и вот пред вами толпа блуждающих атомов, бьющихся друг о друга и потому не дающих никакого смысла. Те, кто жаждет мощи, пытается овладеть искусством управления этими враждебными друг другу первоначальными элементами, и путем стеснения их поля действия принуждает их своим могучим натиском служить для удовлетворения тех или других нужд человека.

Это удовлетворение человеческих нужд—великая вещь. Оно дает человеку свободу в материальном мире. Оно способствует тому, что он с большей выгодой пользуется временной и пространственной упорядочностью. Он может теперь производить вещи в более короткое время и занимать больше пространства, вернее расчитывая на успех. Поэтому он легко оставляет позади тех, кто живет в мире более медлительном, там, где пространство менее доступно заполнению.

Это развитие мощи приобретает все большую и большую скорость хода. И в виду того, что это только одна часть вырванная из человека, ее развитие скоро обгоняет целостную человечность. Нравственный человек остается позади, так как он имеет дело со всей реальностью целиком, а не с одним только законом вещей, который безличен и потому абстрактен.

Так человек со своей умственной и материальной

мощью далеко перерастает свою моральную силу и становится подобен какой-то сказочной жирафе, голова которой неожиданно вытянулась вперед на много верст от тела, делая затруднительным правильное сношение между собой различных частей туловища. Эта жадная голова, с великолепно развитыми челюстями поглощает всю листву мира вплоть до самых ее верхушек, но пища слишком поздно достигает до органов пищеварения, и сердце животного страдает от малого притока крови. Запад, как кажется, с надменной презрительностью не желает считаться с создавшимся теперь несоответствием в природе человека. Громадность его материального успеха отвлекла все его внимание в сторону самолюбования своею грандиозностью. Оптимизм его логики основывается на вычислениях того материального богатства, которое будет создано путем неопределенного расширения в бесконечность его железнодорожной сети. Его мысль достаточно поверхностна для того, чтобы думать, что завтра будет похоже точь в точь на сегодня в своей постоянной надбавке двадцати четырех часов. Он не боится зияющего разрыва, с каждым днем ширящегося, между амбарами все растущего человеческого добра и скудостью того, чем должна довольствоваться алчущая человечность. Логике неизвестно то, что в самой глубине, под бесконечными настилками богатства и удобств, глухо готовятся землетрясения, которые восстановят равновесие нравственного мира, и что в один прекрасный день зияющая пасть духовной опустошенности вовлечет в свою воронку груду тех вещей, что охвачены вечной любовью к праху.

Полнота человека не в мощи, но в совершенстве. Поэтому, делая из него одно орудие власти, вы ограничиваете до пределов возможного его душевность. Когда мы вполне человечны, мы не можем хватать друг друга за горло; наши инстинкты социальной жизни, наши традиции нравственных идеалов препятствуют этому. Если вы стремитесь заставить меня за-

няться избиением человеческих существ, вы должны разрушить во мне целостность человечности путем известных приемов, которые умертвят мою волю, заглушат мои мысли, автоматизируют мои движения, и тогда, путем разрушения этой сложности личного человека, получится та абстракция, та губительная сила, которая не имеет отношения к человечной правде, и поэтому легко становится грубой и механической. Изымите человека из его естественной среды, оторвите его от полноты жизни в общение со всеми ее жизненными ассоциациями красоты, любви и социальных обязанностей, и вы сумеете превратить его в ряд разрозненных частей машины, производящей богатство в гигантских масштабах. Превратите дерево в обрубок, оно сможет дать вам тепло, но никогда не принесет живых цветов и плодов.

Этот процесс обесчеловечивания происходит в торговле и политике. И далеко за пределы первоначального места рождения механической энергии перенесен вполне развитый аппарат, поражающий своей мощью и силой поглощения, который на Западе был окрещен нацией—государством. Как я уже упомянул раньше, благодаря своей абстрактной природе, ему очень легко удалось оставить далеко позади за собой нравственного человека, сохраняющего целостность. Со своим сознанием призрака и холодным совершенством автомата он причинил такие несчастья, по сравнению с которыми вулканические перевороты на только что рождающейся луне устыдились бы своей сравнительной незначительности. В результате—подозрительность человека к человеку, как жгучей крапивой, стегает все части этой цивилизации. Каждая страна закидывает свою сеть шпионажа в медоносный цветок других государств, уловляя в ней секреты, те тайны измен, которые варятся в глубинном соку дипломатии. И чем другим является этот тайный сыск как не закулисным торгашеством, состоящим из торговли живым товаром, убийств и измены и всех тех

безобразных преступлений, которые порождаются в глубинах разврата? Так как каждый народ обладает своей собственной историей, состоящей из обманов, лжи и клятвопреступлений, то поэтому процветать могут только международные шпионство и зависть, и международные нравственность и стыд ослабевают до степени полного развращения. Национальные мелодии правомерного негодования так часто меняли свой тон в зависимости от момента и от изменений в группировке союзов, устраиваемых дипломатией, что по истине ими можно забавляться, как музыкальным дивертисментом политического концерта.

Я только что вернулся из моей поездки в Японию, где я призывал молодую государственность стать на ступень более высоких идеалов человечности и никогда не следовать примеру западу в том, как он приемлет в качестве религии организованное себялюбие национализма, никогда не пользоваться слабостью своих соседей, никогда не быть беззастенчивым в своем поведении по отношению к слабейшему там, где можно итти славным путем безгрешности, предписывающей обращать свою правую щеку более возвышенной человечности для поцелуя восхищения тому, у кого достаточно силы для нанесения удара. Иные из газет одобрили мои заявления в силу поэтических их достоинств, но при этом был сделан намек, что это поэзия покоренного народа. Я понял, что они правы. В школе современности Япония научилась тому, как стать мощной, круг обучения закончился, и она должна использовать плоды полученных уроков. Запад громовым голосом орудийных выстрелов у врат Японии возгласил: „Да будет здесь нация—и стала нация". Так почему же теперь, когда это случилось, вы не чувствуете в глубине вашей души незамутненной радости и не говорите, что так хорошо? Почему вышло так, что в английской газете мне пришлось натолкнуться на горькие сетования по поводу того, что Япония чванится превосходством своей цивилиза-

ции, тогда как то же самое проделывали, как англичане, так и другие народы в течение поколений и не краснели от того? Ибо идеализм самодовления постоянно должен опьянять себя новыми приемами самовосхваления. Но те же самые пороки которые кажутся вам столь естественными и безвредными в вашей собственной жизни, вызывают удивление и недовольство своей непривлекательностью, когда мы видим их у других народов. Поэтому, когда вы видите японский народ, созданный по вашему собственному подобию, вступившим на путь национального хвастовства, вы качаете головой и не усматриваете в этом ничего хорошего. Не явилось ли это одной из причин того, что на этих берегах поднялся крик о необходимости готовиться к встрече с еще одним злом, с которым придется бороться путем еще большей несправедливости? Япония в ответ на это заявляет, что она верна своему bushido, что она никогда не может стать изменницей по отношению к Америке, которой она навеки благодарна. Но вам трудно поверить ей, ибо мудрость национальной государственности основывается не на вере в человечность, но, наоборот, на полном пренебрежении таковой. Вы говорите сами себе, что теперь вам приходится иметь дело не с Японией bushido, Японией нравственных идеалов, но с абстракцией народного себялюбия, то-есть нацией; а нация может доверять нации только там, где их интересы совпадают или, по крайней мере, не сталкиваются. Действительно, ваш инстинкт подсказывает вам, что вступление нового народа на арену национальной борьбы служит прибавлением к тому злу, что направлено против высшего в человеке и доказывает успешностью своего образа действия, что беззастенчивость—путь к процветанию,—добродетель же благо только для слабого, а Бог последнее утешение для побежденного.

Да, такова логика нации. Она никогда не считается с голосом правды и добродетели. Она закружилась в

пляске нравственной извращенности, цепляя сталь за сталь, машину за машину, повергая под свою стопу все ласковые цветы простой веры и жизненные идеалы человека.

Но мы обманываем самих себя, полагая, что человечество в наши дни продвинулось далеко вперед по сравнению с прежним. Причина этого самообмана в том, что человек с большим обилием обслуживается в своих жизненных потребностях, и его физические страдания облегчаются с большей успешностью. Но большая часть этого обязана не нравственному самопожертвованию, но интеллектуальной силе. По количеству это все громадно, но оно возникло на поверхности и распространяется только по поверхности. Знание и производительная сила могучи по своим внешним действиям, но они все же на службе у человека, не составляя его самого. Их услуги подобны обхождению в отеле, где все производится самым тщательным образом, но нет только хозяина; нельзя назвать его гостеприимным, он—удобен.

Поэтому мы не должны забывать, что организации, возникающие из науки и широко раскинувшиеся во всех направлениях, укрепляют нашу власть, но не усиливают человечность. По мере роста власти, все время расширяется культ самообожания нации; индивидуум все более охотно подставляет свою спину под тяжелое бремя требований государственности; в результате получается такая аномалия, чреватая самыми печальными следствиями, сводящаяся к тому, что индивидуум приносит все в жертву божеству, которое нравственно стоит гораздо ниже его самого. Этого никогда не могло бы быть, если бы Бог был так же реален, как и индивидуум.

Позвольте мне здесь тотчас же привести пример. В некоторых частях Индии почитается актом величайшего благочестия для вдовы поститься, не принимая пищи и воды, в один какой-нибудь определенный день

каждые две недели. В силу этого требования часто совершаются жестокости, бессмысленные и бесчеловечные. И все же люди вовсе не столь жестоки по природе. Но благочестие здесь, становясь совершенно нереальной абстракцией, до конца добивает моральное чувство индивидуума, точь в точь подобно тому, как человек, который ни за что не желает мучить бесполезно животных, начинает причинять жесточайшие страдания большому числу невинных созданий, когда его чувства увлечены абстрактной идеей «спорта». Так как эти идеи создаются нашим разумением, так как они являются логическими классификациями, они легко могут своей мглою окутать личного человека.

И идея нации является одним из самых сильных анестетических средств, которые изобретены человеком. Под влиянием его паров, население целой страны может систематически выполнять программу наиболее ярко выраженного самостяжания, совершенно не замечая своей нравственной извращенности,—даже чувствовать себя опасным образом задетым, если ему укажут на это.

Но может ли это продолжаться неопределенно долго, это постоянное умерщвление нравственной чувствительноств на большом протяжении нашей жизни? Может ли вечно это избегать своего возмездия? Разве эта гигантская сила механической организованности столь уж безгранична в этом мире, против которого она может выступить вплоть до его окончательного потрясения, благодаря его собственной ужасной силе и быстроте? Полагаете ли вы, что зло постоянно может удерживаться в границах соперничеством с другим злом и что конференции, послушные чувству здравомыслия, могут удержать того дьявола, который заключен во временную клетку взаимных соглашений?

Европейская война народов представляется войною

возмездия. Человек, личное в нем, должны во имя самой своей жизни протестовать против закидывания себя вещами, сердцем которых они должны быть, политическими системами, в которые им нужно вдохнуть начало человеческой родственности. Настало время, когда, во имя всего попранного мира, Европа должна полностью познать на своем собственном опыте ужасную бессмысленность того, что зовется нацией.

Нация долгое время процветала над искалеченной человечностью. Люди, прекраснейшие создания Божии, выходили из мастерской национализма большими партиями марионеток, производящих войну и производящих деньги и болезненно тщеславных своим жалким совершенством механизма. Человеческое общество все больше и больше превращалось в кукольный театр политиков, военных, купцов и бюрократов, которых с удивительным искусством дергают за веревочку.

Но апофеоз себялюбия никогда не может положить предел бесконечным порождениям ненависти и вожделения, страха и лицемерия, подозрительности и тирании. Эти чудища растут до колоссальных размеров, но никогда не приводят к гармонии. И наша нация может достигнуть невероятного телосложения уже не живого существа, но состава из стали, пара и присутственных мест, пока, наконец, искаженность форм не перестанет поддерживать безобразную массивность, пока не начнет она трещать повсюду и зиять расселинами, испускать газ и пламя, издавать звуки предсмертной агонии в орудийных канонадах. С последней войной начались смертные муки нации. Неожиданно весь механизм проникся духом бешенства и охватился пляской фурий, теряя один член за другим и повергая их в прах. Таков пятый акт трагедии нереального.

Те, кто сохраняет веру в человека, могут только

горячо надеяться на то, что тирания нации никогда не будет восстановлена со всеми своими прежними утеснениями и скорпионами, что никогда не возродятся вновь далеко хватающие железные щупальцы, прикрывающие безмерную полость внутри, где все для желудка и нет места сердцу; что человек переродится в свободе своей индивидуальности, вырвавшись из обволакивающего его тумана абстракции.

Покрывало сорвано, и в последней страшной войне Запад оказался лицом к лицу с своим собственным созданием, ради которого он продал свою душу. Он должен узнать, что оно такое на самом деле.

Он никогда не обращал внимания на постепенный развал и разложение, которыми скрытым образом страдала его нравственная природа; они подчас выражались в скептических учениях, но еще чаще более опасным и тонким образом обнаруживали себя в неумении замечать те увечия и оскорбления, которые наносились Западом большей части мира. Теперь он должен познать правду лицом к лицу.

И тогда из его собственных детей отберутся те, которые захотят освободиться от рабской подверженности этой иллюзии, от искажения чувства братства, возникшего вследствие себялюбия, появятся те, которые захотят стать детьми Божьими, а не отдельными частями механизма, который превращает души в жизненные удобства, и жизнь в отдельные части, своими железными скобами вырывающими сердце у мира и сами незнающими того, что ими делается.

И мы, больше чем все другие народы мира, которые когда-либо повергались в прах, знаем то, что этот прах более священен, чем камни здания гордого могущества. Этот прах плодоносен для жизни, для красоты и богопочитания. Мы возблагодарим Бога за то, что на нашу долю выпало стоять молча в ночи отчаяния, что нам пришлось сносить оскорбления ига

человека, что он был горд и силен, что все же, как ни трепетали наши сердца от сомнения и страха, никогда мы не отдавались слепой вере в то, что спасение человечества в механизме, но твердо сохраняли нашу веру в Бога и в правду человеческой душевности. И мы все же можем питать надежду, что, когда мощь со стыдом покинет свой трон и уступит место любви, когда утренняя заря очистит своим прикосновением залитые кровью ступени, по которым нация поднималась к высотам человечности, нас призовут для того, чтобы и нам можно было принести свой сосуд святой воды — воды богопочитания, — дабы умягчить историю человека очищением и окропить плодородием прах столетий.

II
НАЦИОНАЛИЗМ в ЯПОНИИ.

Самая худшая форма рабства заключается в духовном падении, которое лишает людей веры в самих себя и сковывает их чувством безнадежности. Нам не раз говорили, что Азия живет прошлым,—она подобна богатому мавзолею, который всем своим великолепием старается увековечить усопшее. Об Азии было сказано, что она никогда не сможет двигаться по пути прогресса, со своим лицом, неизбежно обращенным назад. Мы согласились с этим обвинением, стали верить в него. В Индии, я знаю, большая часть нашего образованного общества, устав от чувства унижения, вызванного этим обвинением, брошенным против него, всеми средствами самообмана старается обратить его в предмет гордости. Но похвальба всегда только скрытый стыд, она никогда по настоящему не уверена в себе.

В то время, когда создалось такое положение дела, и мы в Азии гипнотизировали себя убеждением, что иначе и быть никогда не могло,—Япония отряхнула с себя свои сны, и гигантскими скачками оставила позади себя столетия бездействия, осуществив самые смелые достижения настоящего времени. Тем самым было разрушено заклятие, под которым мы в оцепенении жили поколениями, принимая такой образ жизни за нормальные условия существования известных племен,

живущих в определенных географических пределах. Мы забыли о том, что в Азии были основаны великие царства, процветали философия, наука, искусство и литература, и родились все великие мировые религии. Поэтому нельзя сказать, что в ее почве заключено что-то, влекущее за собой умственную бездеятельность и атрофию способностей, заставляющих человека двигаться вперед. В течение столетий мы держали светочи цивилизации на Востоке, тогда как Запад дремал во мгле, что ни в коем случае нельзя признать признаком лености разума или узости кругозора.

После этого ночная тьма окутала страны Востока. Поток времени как бы внезапно остановился, и Азия перестала питаться новым, ограничиваясь тем, что давало ей собственное прошлое, т. е. поистине питаясь сама собой. Наступившая остановка казалось подобной смерти, и умолк могучий голос, бывший глашатаем вечной правды, спасший много поколений людей от духовной гибели, подобно тому, как воздушный океан мягко омывает землю, постоянно очищая ее от нечистот.

Но жизнь имеет свои периоды сна и бездеятельности, когда она теряет способность двигаться и не принимает в себя пищи, живя тем, что заготовлено ранее впрок. Тогда она становится беспомощной, ее мускулы ослабевают, и она легко может служить предметом издевательств по причине своего столбняка. В ритме жизни должны наступать затишья, предшествующие обновлению жизни. Жизнь в свои деятельные периоды постоянно расходует себя, сожигая до конца весь свой запас. Ее щедроты не могут неопределенно долго продолжаться, но за ними всегда следует стадия пассивности, когда прекращается всякая трата и всякое искание нового и все приносится в жертву покою и медленному собиранию с силами.

Дух экономичен по своим стремлениям, он любит формировать в себе такие привычки и двигаться по таким бороздам, которые избавляют его от труда ка-

ждый раз наново думать при каждом шаге вперед. Раз навсегда принятые идеалы делают ум ленивым. Ему становится страшно рисковать приобретенным ради новых попыток. Он стремится к полной безопасности, скрывая свои достижения за укреплениями обычаев. Но на самом деле это ведет к отказу от полного наслаждения своим собственным достоянием. Это ведет к скаредности. Жизненные идеалы не должны терять своего соприкосновения с ростом и изменением жизни. Их действительная свобода заключена не в ограничениях, делаемых ради безопасности, но в горних путях отважных исканий, где все полно риска новых испытаний.

Однажды утром, мир, проснувшись, увидел изумительную картину: Япония за ночь проломила стены своих древних привычек и, торжествуя, покинула их. Это произошло в невероятно короткое время—подобно перемене одежды, а не подобно медленному возведению нового здания. Новая Япония обнаружила одновременно и самоуверенную силу зрелого возраста, и многообещающую свежесть юности. Многие опасались тогда, что дело идет лишь о внезапном капризе истории, о мыльном пузыре, привлекательном своею шаровидностью и игрою красок, но пустом внутри и лишенном содержания. Но Япония неопровержимо доказала, что это внезапное откровение ее мощи было не кратковременным чудом, случайным и преходящим явлением в потоке времени, выброшенным на поверхность из темной глуби, чтобы в следующий момент вновь потонуть в море забвения.

Ибо Япония—страна древняя и современная в одно и то же время. Она обладает наследием древней восточной культуры, той культуры, что обязывает человека искать истинное богатство и истинное могущество в себе самом, в своей душе,— той культуры, что дает ему внутренний упор против потерь и опасностей, что делает его самоотверженным и бескорыстным и учит его презирать смерть и подчиняться бесчисленным обя-

занностям по отношению к людям, лежащим на нем, как на члене общества. Одним словом, современная Япония выросла из почвы древнего Востока, как цветок лотоса, легко и грациозно качающийся в воздухе и все же крепко и глубоко коренящийся во вскормившей его земле.

И Япония, это дитя древнего Востока, дерзко потянулась за всеми дарами современности. Она выказала смелость, проломив преграды привычек, постепенно возведенные вокруг нее ленью и косностью. Так она соприкоснулась с жизнью нашего времени, и с изумительным прилежанием и талантом приступила к выполнению задач, возложенных на нее современной цивилизацией.

Это и было тем, что обнадежило остальной Восток. Мы поняли, что есть в нас жизнь и сила, и что нам остается лишь сбросить с себя засохшую кору. Мы поняли, что искать спасения в мертвых вещах означает смерть, и что живет только тот, кто принимает на себя все дерзновение жизни.

Я, по крайне мере, не могу поверить, что Япония стала тем, что она есть, путем подражания Западу Невозможно подражать жизни, создавать видимость силы; подражанием лишь истощается имеющаяся сила, ибо оно парализует нас и связывает по рукам и по ногам, подобно тому, как если бы мы на наши кости натянули кожу другого человека и тем создали между ними вечную борьбу.

Истина в том, что наука не совпадает с человеческой природой, она есть только знание и уменье. Узнав законы материального мира, вы не измените этим глубин вашей души. Вы можете заимствовать у других знания, но не темперамент.

Но на подражательной ступени вашего обучения мы неспособны отличить существенное от несущественнго, и то, что можно заимствовать, от того, что нельзя. Это состояние духа напоминает веру первобытного человека в магические свойства акциденций и внешних об-

наружений, сопровождающих действительную истину, сокрытую под ними. Мы боимся, что если мы не проглотим скорлупу вместе с зерном, мы потеряем нечто ценное и действенное. Но если наша жадность находит удовлетворение в таком поглощении целиком, то функция наших внутренних органов состоит в ассимиляции, которая и есть единственная форма приобретения, обогащения для живого существа. Жизнь всегда проявляется в выборе—в принятии и отвержении сообразно потребностям своей организации. Живой организм не врастает в свою пищу, но обращает ее в свое тело. И только таким путем он может расти и усиливаться, а не путем простого накопления или отказа от своей индивидуальности.

Япония заимствовала для себя у Запада пищу, но не свою природу. Япония не может потеряться в том внешнем аппарате науки, который она заимствовала у Запада, и превратиться сама в машину. Она имеет свою особую душу, которая должна найти силу самоутверждения, вопреки всем требованиям внешней пользы. Те обнаружения духовного здоровья, которые так явны в вашей стране, показывают, что она способна к этому, и что процесс ассимиляции в полном ходу. И я глубоко надеюсь, что Япония никогда не потеряет, увлекшись своими приобретениями, веру в свою душу, как щеголь, который больше ценит свою новою шляпу, чем свою голову.

Весь мир ждет, как этот великий народ Востока выполнит обязательства и использует возможности, открытые перед ним современностью. Если он будет только подражать Западу, великие надежды, пробужденные им, окажутся тщетными. Ибо проблемы, поставленные Западом, весьма трудны. Конфликт между государством и индивидом, трудом и капиталом, мужчиной и женщиной, конфликт между материальным корыстолюбием и потребностью в духовной жизни, организованным эгоизмом народов и высшими идеалами человечности, а также все те зловещие

конфликты, что вырастают из противоположности между гигантскими организациями торговли и государства и естественнейшими инстинктами человека, зовущими его к простоте, красоте и досугу—все это должно быть разрешено и согласовано новым путем, возможности которого никто еще не подозревает.

Мы знаем, что великий поток цивилизации был не раз запружен и приостановлен обломками, принесенными его бесчисленными каналами. Мы видели, как, при всем ее хваленом человеколюбии, цивилизация не раз сама оказывалась величайшею опасностью для человека, гораздо более грозною, чем внезапные нападения диких номадов, от которых страдали люди в прежние времена. Мы видели, как цивилизация, гордившаяся своим свободолюбием, создала худшие формы рабства, чем когда-либо прежде существовавшие в человеческом обществе,—создала рабство, цепи которого несокрушимы, либо потому, что они невидимы, либо потому, что носят название и внешнее обличие свободы. Мы видели, как человек, скованный ее чудовищной пошлостью, теряет веру во все те высокие идеалы, которым он обязан своим величием.

Поэтому вы, японцы, не можете с легким сердцем перенять современную цивилизацию со всеми ее тенденциями, методами и учреждениями, как бы считая это чем-то неизбежным. Вы должны вложить в дело ваше восточное умонастроение, вашу духовную силу, вашу любовь к простоте, вашу чуткость к социальным обязанностям, чтобы проложить новую дорогу для этой большой, неуклюжей колесницы прогресса, катящейся с нестройным шумом и грохотом. Вы должны свести к минимуму те чудовищные жертвы человеческими жизнями и свободой, которых она требует на каждом шагу. В течение многих столетий вы по своему чувствовали, мыслили и трудились, радовались и почитали ваших богов. От этих ваших особенностей вы не можете отказаться, как от поношенного платья. Ибо они таятся в вашей крови, в мозгу ваших костей,

в тканях ваших мышц, в извилинах вашего мозга, и налагают печать на все, к чему вы прикасаетесь, без вашего ведома, даже против вашей воли. Ведь вы некогда разрешили по своему человеческие проблемы, нашли удовлетворявшее вас решение; вы имели свою особую философию и особое жизненное искусство. Все это вы должны применить к вашему нынешнему положению; это будет не повторением, это будет творчеством; и плоды его вы с гордостью предложите миру, как ваш вклад на благо человечества. Из всех азиатских народов вы одни имеете возможность свободно распоряжаться, сообразно вашим взглядам и потребностям, тем, что вы получили от Запада. Ваше счастье в том, что вы не стеснены извне; но тем больше и ваша ответственность, ибо вы отвечаете от имени всей Азии на вопросы, которые Европа поставила человечеству. В вашей стране ее опыты продолжаются, и Восток изменит всю картину современной цивилизации, вдыхая в нее жизнь там, где она механична, заменяя холодный рассчет человеческим чувством и стремясь не столько к мощи и успеху, сколько к гармоничному и живому развитию, к истине и красоте.

Я должен напомнить вам о тех временах, когда весь Восток Азии от Бирмы до Японии был связан с Индией тесною дружбой—единственной естественной связью, которая возможна меж народами. Тогда существовала непосредственная связь между сердцами, мы составляли единую нервную систему, мы одновременно постигали глубочайшие потребности человечества. Мы не боялись друг друга, нам незачем было вооружаться и держать друг друга в вечном напряжении. Нас об'единяли не эгоизм и корыстолюбие: мы обменивались идеями и идеалами, дарами высшей любви. Различие языков и обычаев не препятствовало глубочайшему душевному общению; ему не препятствовала ни расовая гордость, ни самопревознесение в сознании телесного или духовного превосходства; новые листья и цветы вырастали на почве нашего искусства и литературы в солнечном

свете наших слиянных сердец, и народы различнейших стран, с различными языками и различным прошлым, исповедывали то, в чем заключается высшее единство человечества и сильнейшая связь взаимной любви. Не вспомним ли мы и о том, что тогда, в это золотое время, когда люди совместно стремились к высшим идеалам, вы скопили тот бальзам бессмертия, который помог вашему народу возродиться в новое время и дал ему силу покинуть прежнее износившееся тело и создать себе новое, и невредимым пережить потрясение величайшего из переворотов?

Политическая цивилизация, которая возникла на почве Европы, и, как сорная трава, быстро распространяется по всему свету, основана на исключительности. Она бдительно следит за тем, чтобы все чужие были подальше или, вообще, устранены. Ее тенденции могут быть обозначены, как кровожадность и людоедство; она питается соками других народов и стремится пожрать ростки их будущего. Она постоянно боится успехов других наций, называя их опасными, и стремится уничтожить все симптомы роста и величия, замечаемые ею вне ее собственных пределов, осуждая более слабые расы на вечное прозябание. Правда, и до того, как эта политическая цивилизация достигла могущества и открыла свою голодную пасть достаточно широко, чтобы проглатывать целые материки,—и до того были войны, грабежи, государственные перевороты и вслед за ними нищета и всякие беды; но никогда мир не видел подобного зрелища ужасающей, неумолимой хищности, такого всестороннего высасывания соков из целой нации, столь чудовищных мясорубок, дробящих целые народы, и такой страшной жадности, вооруженной уродливыми зубами и клыками, готовыми всегда к меткому и смертельному нападению. Эта политическая цивилизация имеет научный, но не человеческий характер. Она могущественна потому, что сосредоточивает все свои силы на одной цели, подобно миллионеру, который накопляет богатство за счет

своей души. Она на каждом шагу нарушает свое слово, она бесстыдно плетет сети лжи, она водружает перед своими алтарями гигантские идолы Корыстолюбия, и гордится пышными церемониями служения этим идолам, называя это патриотизмом. Но можно безошибочно предсказать, что это не сможет продолжаться, ибо в мире господствует моральный закон, который одинаково распространяется как на отдельных людей, так и на человеческие коллективы. Этот закон не допустит того, чтобы вы нарушали его от имени вашей нации, и в то же время извлекали пользу из его нарушения, как отдельные лица. Подобное открытое извращение этических идеалов понемногу действует на каждого члена общества, и постепенно, хотя и незримо, подкапывает почву, распространяя то циническое отношение к священным ценностям человеческой природы, которое является безошибочным признаком старческой расслабленности. Вы должны помнить, что политическая цивилизация, эта религия национального патриотизма, не имела долгой истории. Светоч древней Греции погас в той стране, где он был зажжен; могущество Рима похоронено под обломками его обширной империи. Но цивилизация, основанная на общественных и духовных идеалах человека,—жива поныне в Китае и в Индии. Пусть она кажется слабой и незначительной, на масштаб современного механического могущества, но, подобно малым зернам, она все же содержит жизненную силу, и будет расти, распростирая свои благодатные ветви и рождая цветы и плоды,—когда тому придет время, и милостные дожди прольются с неба. Но руины небоскребов внешнего могущества и храмов корыстолюбия даже божьими дождями не будут воскрешены к новой жизни, ибо они были не от жизни; они были враждебны жизни в целом; они— лишь обломки восстания против Вечного.

Нас обвиняют в том, что идеалы, которые мы лелеем, чересчур статичны, что они неспособны рождать движение, открывать новые горизонты знания

и могущества, что системы философии, на которых покоятся древние цивилизации Востока, пренебрегают внешнею проверкою и упрямо удовлетворяются суб'ективною уверенностью. Это лишь показывает, что когда наше знание неопределенно, мы склонны обвинять в неопределенности самый предмет нашего знания. Западному наблюдателю наша цивилизация представляется какой-то сплошной метафизикой, как для глухого игра на рояле есть только движение пальцев, но не есть музыка. Он не может допустить, что мы нашли некую глубокую основу реальности, на которой и построили наши учреждения.

На беду, никакая проверка реальности немыслима вне реализации. Реальность пейзажа, открывающегося перед вами, покоится исключительно на факте вашей зрячести, и нам трудно доказать скептику, что наша цивилизация не есть сплетение туманных абстрактностей, что она достигла положительных истин,— истин, способных дать утешение и опору человеческому сердцу. Она развила особую душевную способность, способность видеть бесконечную реальность во всех конечных вещах.

Скептик на это возразит: „Но у вас не наблюдается прогресса, у вас нет движения". Я спрошу его: „Откуда это вам известно? Прогресс следует оценивать сообразно его целям. Железнодорожный поезд движется к известной станции—это есть своего рода прогресс. Но выросшее дерево, напр., не обладает подобным определенным путем движения; его прогресс есть внутренний прогресс жизни. Оно живет в своем стремлении к свету, трепещущем в его листьях и молчаливо струящемся в его соках".

Мы тоже жили, жили веками, и мы все еще живем; и мы также стремимся к реальности, не имеющей предначертанной формы реализации,—к реальности превыше смерти, возвышающейся над всем злом жизни, несущей мир, и чистоту, и радостное самоотвержение. Плод этой внутренней жизни есть плод живой.

Он становится нужным тогда, когда юноша возвращается домой усталый и покрытый пылью, когда воин ранен в битве, когда богатство истрачено и гордость унижена, когда сердце человека жаждет истины в море событий и гармонии в противоречиях жизни. Его ценность не в умножении внешней материи, но в духовном свершении.

Бывают такие положения, когда промедление невозможно. При борьбе или при завоевании лучшего места на рынке необходимо бывает прыгать, бежать и маршировать, напрягать нервы и ловить успех. Но есть такие идеалы, которые не приемлют „игры в кошки и мышки“ с жизнью; они медленно растут, от семени к цветку, от цветка к плоду; для их созревания необходимо бесконечное пространство и небесный свет, а плоды, ими производимые, способны претерпевать годы пренебрежения и забвения. Восток с его идеалами, в груди которого накоплены века солнечного света и звездной тишины, может терпеливо ждать, пока Запад, в его погоне за наживой, не потеряет дыхания и не остановится. Спеша по своим делам, Европа бросает через окна вагона презрительный взгляд на жнеца, собирающего жатву на поле, и, опьяненная погоней, она не может не считать его медленным, застывшим на месте. Но спешка окончится, дела потеряют свой смысл, голодное сердце возжаждет пищи— и тогда она вернется к медлительному жнецу, собирающему жатву на залитом солнцем поле. Дела по продаже и покупке не ждут, жажда развлечений не ждет,—но любовь ждет, а с нею и красота, и мудрость страдания и плоды терпеливой преданности и благородного смирения простой веры. Так Восток будет ждать, пока не придет его время.

Невозможно не признать величия Европы там, где оно есть. Мы не можем не любить ее всем нашим сердцем и не платить дани чистейшего преклонения, —той Европе, которая, в своей литературе и в своем искусстве, излучает неистощимым каскадом красоту и

истину, оплодотворяющие все страны и все эпохи; Европе, дух которой, титанический по своей неутомимой энергии, проникает во все выси и глуби вселенной, собирая для нее дань знания с бесконечно-большого и бесконечно-малого, и затрачивает все силы своего великого ума и сердца для исцеления больных и облегчения тех страданий человека, которые мы до сих пор принимали с привычной резиньяцией; Европе, которая умеет извлекать из земли больше плодов, чем это казалось возможным, и заставлять все великие силы природы служить человеку. Это неложное величие должно корениться в духовной мощи. Ибо только дух человека способен, презревая все ограничения, верить в свою конечную победу; бросать лучи своего прожектора за пределы непосредственного и кажущегося, радостно итти на мученичество ради целей, недостижимых в течении человеческой жизни, и признавать свою ошибку, не считая ее, однако, поражением. В сердце Европы течет чистейший поток человеколюбия, любви к справедливости и самоотвержения ради высших идеалов. Христианская многовековая культура глубоко проникла в глубины жизни. В Европе мы видим благородных людей, которые всегда заступались за права человека независимо от расы или веры, которые, вопреки клевете и брани со стороны своего же народа, боролись за дело человечества и возвышали свой голос против безумных оргий милитаризма, против бешеной жажды мести или наживы, которые иногда охватывают целый народ; которые всегда готовы к возмещению несправедливостей, причиненных в прошлом их нацией и напрасно пытаются остановить прибой клеветы и лжи, движущийся беспрепятственно вследствие слабости и мягкости сопротивления со стороны жертв. Это блуждающие рыцари современной Европы, которые не потеряли веры в бескорыстную любовь к свободе и в идеалы, не ограниченные географическими пределами или национальным эгоизмом. Они показывают наглядно, что родник живой воды не иссяк в Европе,—из

него она возродится, когда придет срок. Но там, где Европа чересчур сознательно работает над укреплением и развитием своего могущества, вопреки своей более глубокой природе и в насмешку над нею, она взгромождает свои преступления до неба, вызывая месть Божию и распространяя заразу физического и духовного уродства по лицу земли своей бессердечной коммерцией, цинично насилующей человеческое чувство красоты и добра. Европа прекрасна и благодетельна там, где ее лицо обращено ко всему человечеству; но она бесконечно зла там, где ее лицо обращено только к своему интересу и где она пускает в ход все свои великие силы для целей, враждебных бесконечному и вечному в человеке.

Восточная Азия шла по своему собственному пути, развивая свою особую цивилизацию, цивилизацию не политическую, но социальную, не хищническую и механическую, но духовную, основанную на всем разнообразии глубоких начал человеческой природы. Разрешения жизненных проблем измысливались в уединении, за завесой отшельничества, куда не достигали никакие отзвуки династических переворотов и чужеземных нашествий. Но теперь мы тоже охвачены этим внешним миром; наша замкнутость утрачена навсегда. Но мы не должны об этом сожалеть, как растение не должно сожалеть о том, что кончился подземный мрак, и росток пробился наружу. Настало время, когда мы должны будем сделать мировую проблему нашей собственной проблемой; мы должны гармонически согласовать дух нашей цивилизации с историей всех народов земного шара; мы не должны в слепой гордости продолжать прятаться под оболочкой зерна и под земной корой, защищавшей и вскормившей наши идеалы, ибо оболочка зерна и земная кора именно и предназначены были лишь послужить защитой до поры до времени, пока жизнь не пробьется наружу во всей своей силе и красоте, и не отдаст себя всему миру.

В выполнении этой задачи—проломить ограду и

выйти на свет, Япония опередила все другие народы Востока. Она влила надежду в сердце народов всей Азии. Надежда есть тот скрытый огонь, который потребен для всякого творческого дела. Азия теперь почувствовала, что она должна оправдать себя рождением жизненных творений, она не может оставаться на ложе своего сна или бессильно подражать Западу, из страха или лести. Этим сознанием мы обязаны стране Восходящего Солнца, и торжественно требуем от нее: помнить, что она должна выполнить миссию, возложенную на нее всем востоком. Она должна влить сок более совершенной человечности в сердце современной цивилизации. Она не должна смущаться ее темными сторонами, но уверенно вести ее к свету и свободе, к чистому воздуху и широкому простору, где она сможет, в свете своего дня или во мраке своей ночи, принимать в себя откровения неба. Пусть величие ее идеалов станет видно всем, как ее увенчанный снегом Фуджияма, вздымающийся из самого сердца страны в бесконечный простор неба, величаво царящий над своими окрестностями, прекрасный, как девушка, своим гордым изгибом, но крепкий, мощный и возвышенно грандиозный.

II

Я путешествовал по многим странам и встречался с людьми всех классов, но никогда в своих путешествиях я не ощущал человеческой стихии так отчетливо, как в вашей стране. В других великих странах бросаются в глаза символы человеческого могущества; поражает роскошь и экстравагантность в одежде, в убранстве, в развлечениях. Вас все это как бы оттесняет в угол, как бедняка, попавшего на праздник; зрелище это способно вызвать зависть или повергнуть в оцепенение. Вы не чувствуете там господства человека; на вас надвигается со всех сторон мир поражающих вас вещей. Но в Японии преобладает не обнаружение силы и богатства. Вы на каждом шагу видите символы любви

и благоговения, а не гордыни и жадности. Вы видите вокруг себя народ, чья душа как бы пролилась во все уголки жизни, отражаясь на обыкновенной домашней утвари, на социальных учреждениях, в манерах, столь внимательных и совершенных, и во всегда грациозном умении обращаться с вещами.

Что поразило меня более всего в вашей стране — это то, что вы постигли тайны природы не методическим расчленением, но непосредственной интуицией. Вы постигли язык ее линий и музыку ее красок, гармонию в ее непропорциональности и ритм в свободе ее движений; вы видели, как она ведет несметные толпы своих созданий и избегает всякого трения, как даже самые противоречия в ее творениях разрешаются в музыке и танце, и что ее избыток есть лишь полнота бескорыстного самоотвержения, а не хвастливая расточительность. Вы поняли, что природа хранит свои силы в формах красоты, и что именно эта красота, как мать-кормилица, питает все ее титанические энергии, удерживая их в подвижном равновесии. Вы поняли, что жизненные силы природы оберегаются от истощения ритмом совершенной грации, и что нежностью своих вздымающихся линий она освобождает от усталости мышцы мира. Я почувствовал, что вы приспособили свою жизнь к этим тайнам и приняли в свою душу ту истину, что заключена в красоте вещей. Знание вещей может быть приобретено в короткое время, но их дух может быть постигнут лишь в многовековом воспитании и самообладании. Внешне овладеть природой гораздо легче, чем любовно проникнуть в нее, ибо на это способен лишь истинно творческий гений. Ваш народ обнаружил эту творческую силу; он не приобретал: он творил; он не выставлял напоказ вещей: он раскрывал свою собственную духовную сущность. Этот творческий дух свойствен всем народам; он овладевает людьми и формирует их сообразно своим идеалам. Но здесь, в Японии, он, кажется, достиг своей цели: он наполнил собою душу целого народа и пропитал его мускулы и нервы. Ваши

инстинкты стали безшибочны, ваши чувства остры, а ваши руки приобрели естественную ловкость. Творческий гений Европы дал своим народам способность к организации, обнаружившуюся преимущественно в политике, в торговле и в систематическом научном познании. Творческий гений Японии открыл вам красоту в природе и дал вам способность воплощать ее в жизни.

В каждой самостоятельной цивилизации выражается особый человеческий опыт. Европа, повидимому, глубже всего постигла то взаимное противоборство вещей, которым можно воспользоваться только, если овладеть ими. Поэтому она всегда готова к борьбе и направляет все свое внимание на организацию сил. Япония же испытала в своем мире соприкосновение с Существом, перед которым душа с благоговением склоняется. Поэтому она не похваляется тем, что господствует над природой, но с бесконечным и радостным усердием приносит ей жертвы своей любви. Ее родство с природой есть глубокое душевное родство. Эта связь духовной любви соединяет ее с холмами ее страны, с морем и реками, с лесами и всем их изобилием красоты и настроений; шум и шопот и вздохи лесов приняла она в свою душу; с тихим, созерцательным изумлением провожала она солнце на его дневном пути, и луну ночью, и она рада закрывать свои мастерские и лавки и встречать времена года в огородах и полях. Такое, открытое перед природой, сердце не есть привилегия ваших высших классов, это не искусственно взращенный экзотический плод культуры; оно свойственно всем, всем мужчинам и женщинам всех сословий. Этот опыт вашей души— это соприкосновение с личным Существом в глубине мира — воплощен в вашей культуре. Ваша культура есть культура братства. Так ваш долг перед государством принял характер сыновнего долга и ваш народ стал семьей, с императором во главе. Ваше национальное единство основывается не на братстве по оружию, по готовности к защите и

нападению, или к разбойничьим набегам, при которых все участники одинаково подвергаются опасности и поровну делят добычу. Оно не вытекает из необходимости организоваться ради какой-либо внешней цели; оно есть лишь распространение семейного единства и сердечных привязанностей и обязанностей на более широкую по пространству и времени область. Идеал „maitrî“ коренится в глубине вашей культуры— „maitrî“ с людьми и „maitrî“ с Природой. Истинным выражением этой любви является тот язык красоты, который так разлит по вашей стране. И именно поэтому чужеземец, как я, ощущает не зависть или чувство униженности перед лицом этих выражений красоты, этих созданий любви, а готовность разделить ту радость и славу, которую они рождают.

И поэтому я боюсь тех изменений, которые угрожают японской культуре, как если бы опасность угрожала мне. Ибо эта современность, для которой польза есть единственная связь, об'единяющая людей, нигде так резко не контрастирует с достоинством и тайной силой тихой красоты, как в Японии.

Но опасность заключается в том, как бы организованное уродство не одержало победы над духом тяжестью своей массы, упорством своего натиска, силою насмешки, направляемою им против глубоких душевных переживаний. Его грубая навязчивость насильственно приковывает к себе наш взгляд и затуманивает наши чувства, и мы жертвуем на его алтарь, как дикарь жертвует идолу, который кажется ему могучим в силу своего ужасающего уродства. Поэтому столь опасно его соперничество с тихими, глубокими и нежными чувствами.

Я убежден в том, что среди вас встречаются люди, не понимающие ваших идеалов, которые хотят только приобретать, но не расти. Они громко хвастаются тем, что модернизировали Японию. Я соглашусь с ними в том, что дух народа должен гармонировать с духом времени, но укажу им в то же время и на то, что модер-

низированное стольже мало есть современное, как стихоплетство—поэзия. Это—ничто иное, как подражание; только подражение это более навязчиво, чем оригинал, и чересчур рабски копирует его. Мы должны вспомнить, что те, кто действительно проникнут духом современности, не нуждаются в модернизации, точно так же, как действительно храбрые не нуждаются в хвастовстве. Современное заключается не в европейской одежде или в уродливых зданиях, в которые в школьные часы запирают детей, или в четырехугольных коробках с параллельными рядами отверстий, в которых люди проводят свою жизнь, как пожизненно заключенные. И уже во всяком случае дух современности не выражается в нелепых украшениях дамских шляп. Эти вещи можно назвать европейскими, но никак не современными. Истинно современное есть свобода духа, а не рабство моды. Это есть независимость в мышлении и поведении, а не несовершеннолетие под опекой европейских учителей. Это есть наука, а не ее ложное применение в жизни, не подражание нашим учителям, которые унижаются до бессмысленного суеверия, призывая науку в помощь для всех возможных и невозможных целей.

Жизнь, основанная только на науке, привлекательна для некоторых людей, ибо она обладает всеми особенностями спорта; это есть игра в серьезность, лишенная, однако, всякой глубины. Если вы отправляетесь на охоту, то чем меньше сострадания вы будете испытывать, тем лучше, ибо единственная ваша цель в том, чтобы найти свою добычу и убить ее, и сознавать, что вы—более сильное животное, что ваш способ разрушения совершенен и научен. Вся жизнь науки протекает в этой поверхностной сфере. Она искусно и ловко преследует успех, не обращая внимания на высшую природу человека. Но те люди, которые достаточно грубы, чтобы строить свою жизнь на предположении, что человек—только охотник и ничего больше и что его рай есть рай спортсменов, будут внезапно

пробуждены от этой своей иллюзии, посреди накопленных ими—скелетов и шкур.

Этим я не хочу сказать, что Япония не должна озаботиться приобретением современного оружия для самозащиты. Но на этом пути не следует идти дальше, чем того требует инстинкт самосохранения. Япония не должна забывать, что действительная сила заключена не в оружии, а во владеющем им человеке, и что если он, гоняясь за могуществом, умножает вооружение за счет своей души, то он находится в большей опасности, чем его враги.

Живому существу легко причинить вред; поэтому оно нуждается в защите. В природе жизнь защищает себя оболочками, которые сами состоят из живого вещества. Поэтому они приспособляются к жизни, они легко спадают, когда наступает срок, и забываются. Истинная защита человека—это его идеалы, находящиеся в живой связи с его жизнью и растущие вместе с ним. Но, к его несчастью, не все его защитные оболочки состоят из живого вещества; некоторые сделаны из косной и мертвой стали. Поэтому человек должен следить, как бы они не стали его тиранами. Если он настолько слаб, что нарочно сжимается, чтобы приспособиться к своей защитной оболочке, то это есть ничто иное, как медленное самоубийство, ибо и его душа постепенно с'еживается. Если Япония хочет избежать этой опасности, она должна питать твердую веру в нравственный закон жизни и знать, что народы Запада идут по этому самоубийственному пути, ибо они удушают человечность чудовищной тяжестью своих организаций, дабы сохранить свою мощь и держать других в рабстве.

Но еще опаснее, нежели подражание внешним проявлениям западной культуры, было бы для Японии усвоение ее внутренних тенденций. Ее социальные идеалы начинают уже уступать место политике, и она обнаруживает уже склонность к политической азартной игре, в которой все участники готовы поставить на карту свою душу, лишь бы выиграть. Я вижу их девиз, заим-

ствованный из естествознания: „выживание наиболее приспособленного",—я его вижу начертанным громадными буквами над вратами современной истории—этот девиз, означающий: „помогай себе и не заботься о том, во что это обходится другим", девиз слепого,верящего только в то, к чему он прикасается, ибо он не может видеть. Но зрячие знают, что они столь тесно связаны с людьми, что удары, наносимые ими другим, падают на них обратно. Величайшее открытие, когда-либо сделанное человеком,—было открытие того нравственного закона, что человек тем ближе к истине, чем более он узнает и чувствует себя в других. Эта истина имеет не только суб'ективное значение; она проявляется во всех областях жизни. И те народы, которые усердно культивируют нравственную слепоту под видом патриотизма, идут к внезапной и насильственой гибели. В прежние времена нам приходилось переносить нападения чужестранных завоевателей, царили жестокость и кровопролитие, интриги и корыстолюбие. Но душа народа не затрагивалась всем этим в своей глубине, ибо народ, как целое, не участвовал активно во всех этих перипетиях. Все это проистекало из честолюбия отдельных лиц. Что же касается народа, то так как он был свободен от ответственности за низкую и преступную сторону этих авантюр, он извлекал из них нравственную пользу, ибо в них развивались его задатки героизма и человечности: его непоколебимая лойальность, его безусловная преданность долгу чести, его способность безграничного самоотвержения и его бесстрашие перед лицом смерти и опасности. Поэтому идеалы, хранившиеся в сердце народа, не подвергались опасности изменчивою политикою королей и полководцев. Но теперь, когда дух западной цивилизации стал господствующим, во всем народе всеми возможными средствами воспитывается с детства ненависть и честолюбие; история искажается, пробуждаются неправильные представления о других народах и воспитываются неприязненные чувства к ним, а события, которые

в интересах человечности следовало бы возможно скорее предавать забвению, увековечиваются памятниками, и тем создаются постоянные угрозы соседям и чужим народам. Это значит отравлять самый источник человечности. Это значит забывать идеалы, выросшие из жизни наших величайших героев. Это значит водружать эгоизм, как гигантский идол, перед всеми народами земли. Мы можем принять все, что угодно, из рук естествознания, только не этот эликсир нравственной смерти. Не мните ни единое мгновение, что зло, причиняемое вами другим народом, не заразит вас самих, и что вражда, которую вы сеете вокруг себя, навеки будет служить вам оградою! Наполнять дух целого народа безграничным тщеславием по поводу его превосходства, учить его гордиться своею нравственною тупостью и несправедливо приобретенными богатствами, надолго унижать побежденные народы, выставляя на показ трофеи победы и пользуясь ими в школах для того, чтобы воспитывать в детях презрение к другим, значит подражать Западу в том, что есть гнойник на его теле, все более расширяющийся и захватывающий его жизненные центры.

Наши огородные растения, необходимые для нас, как пища, суть продукты тысячелетнего подбора и ухода. Но те растения, которые не претворяются нами в жизненные соки, не нуждаются в терпеливом уходе целых человеческих поколений. Не легко искоренить сорные травы, но легко запустить до одичания культурные растения. Так и культура, приспособившаяся к вашей почве и сросшаяся с вашей жизнью и вашей человечностью, не только в прошлые времена нуждалась в тщательном уходе—она и теперь нуждается во внимательной работе и бдительности. То, что только современно, как естествознание и организация, может быть пересажено на другую почву; но то, что относится к сущности человека, имеет столь нежные волокна и столь многочисленные и широко-разветвленные корни, что умирает, будучи вырвано из своей почвы. Поэтому мне

внушает тревогу, когда я вижу, как грубо политические идеалы Запада вытесняют ваши собственные. В западной политике государство есть абстрактное понятие и соединение людей на почве принципа пользы. Подобная цивилизация не основывается на чувстве, и именно поэтому может быть легко перенята. Для вас достаточно было полувека, чтобы овладеть этой машиной, — и среди вас встречаются люди, предпочитающие ее тем живым идеалам, которые родились вместе с вашим народом и веками хранились и почитались им. Они подобны увлеченным игрою детям, которым кажется, что они больше любят игрушки, чем свою мать.

Где человек выше всего, там он бессознателен. Ваша культура, выростая из чувства общности, коренится в глубине здоровой жизни, куда не проникает пытливый взор самоанализа. Но чисто политическое об'единение всегда сознательно, оно находит себе выражение во внезапной лихорадке хищничества, в роде той, что теперь овладела вашей душой. И теперь настал момент пробудить вас к полной сознательности, чтобы вы вовремя вспомнили об истинном источнике вашей жизни, пока не поздно. Прошлое было даровано вам Богом, в настоящем же выбор должен быть сделан вами самими.

Поэтому вы должны поставить перед собою такие вопросы: не ложно ли поняли мы мир и не построили ли мы своего отношения к нему на незнании человеческой природы? Прав ли инстинкт Запада, стремящегося оградить свое национальное благо стеною недоверия ко всему человечеству?

Вы, несомненно, заметили, что Запад всегда с некоторым страхом говорил о возможности усиления какого либо из восточных народов. Причина этого страха заключается в том, что сила, дающая Западу господство, есть злая сила; пока он один владеет ею, он уверен в себе, а весь остальной мир трепещет перед ним. Если современная цивилизация Европы хочет жить, она должна стремиться к тому, чтобы иметь сатану и все его злые силы всецело на своей стороне.

Вся ее военная и дипломатическая машины существуют только для этой цели. Но все эти дорого стоющие обряды заклинания злого духа ведут по пути внешнего успеха к краю пропасти. Все те фурии ужаса, которые Запад напустил на Божий мир, вернутся к нему, и будут угрожать ему самому и побуждать его ко все более страшным вооружениям, и он не будет находить покоя, и все забудет, и не сможет думать ни о чем,— только об опасностях, выкованных им для других и ныне грозящих ему самому. Этой дьявольской политике он приносит в жертву другие страны. Он питается убитыми и жиреет от этой пищи, пока трупы свежи, но под конец они начнут гнить и мстить ему, распространяя заразу и отравляя тех, кто ими питается. Япония имела человечность, преклонение перед героизмом и красотой, изумительную силу самообладания и способность выражения своей души в искусстве; но народы Запада не уважали ее, пока она не показала им, что кровожадные псы сатаны водятся не только в псарнях Европы, но что и в Японии их можно дрессировать и вскармливать человеческим горем и нуждою. Они признают равноправие Японии лишь постольку, поскольку они знают, что Япония также владеет ключем, которым может открыть шлюзы адского огня и затопить им эту прекрасную землю, как только она того пожелает, и что она под свою собственную мелодию может плясать в грохоте всемирной катастрофы адский танец грабежа, убийства и обесчещения женщин. Мы знаем, что нравственно незрелый человек благоговеет только перед Богом, козней которого он боится. Но разве это тот идеал, которым мы могли бы гордиться? Если после столетий цивилизации народы боятся друг друга, как хищные животныя, ищущие добычи в ночном мраке, если они негостеприимно запирают свои двери и об'единяются лишь ради нападения или защиты, если они скрывают в своих пещерах свои торговые, государственные, военные секреты, если они бросают голодным псам в виде подачки мясо других, не припадлежащее

им, если они насильственно пригибают к земле опустившиеся народы, пытающиеся выпрямиться, если они видят свое благополучие лишь в ослаблении и унижении остального человечества, если они правою рукою предлагают слабым народам религию, а левою грабят их добро—есть ли во всем этом что-либо, залуживающее зависти? Неужели мы должны преклонить колени перед этой цивилизацией, сеющей по всему миру семена страха, жадности, недоверия, и в то же время распространяющей лицемерные басни о своем миролюбии, о своей доброй воле и о всеобщем братстве? Можем ли мы без недоверия в сердце нашем поспешить на Западный рынок, чтобы обменять наше наследие на этот заграничный товар? Я знаю, как трудно познать самого себя, знаю, что пьяный с яростью отрицает свое пристрастие к вину. Правда, запад сам озабочен своими пороками и ищет целебных средств. Но он подобен тому обжоре, который не имеет смелости отказаться от излишества и тешит себя ребяческой надеждой на то, что ему удастся исцелить лекарствами расстройство пищеварения. Европа не желает отказаться от своей бесчеловечной политики и от всех связанных с нею низменных страстей; она верит лишь в изменение системы, но не в душевное перерождение.

Мы переймем у Запада его машины, но не сердцем, а умом. Мы их испытаем и выстроим для них сараи, но не впустим их в наши дома и храмы. Есть народы, которые освящают убиение животных; мы можем покупать у них мясо, когда мы голодны, но их культа мы не заимствуем. Мы не вправе отравлять сердца наших детей этим суеверным принципом: дело есть дело, война есть война, политика есть политика. Мы должны знать, что дело должно быть для человека чем-то большим, чем только делом, и точно так же война и политика. Вы, японцы, имели свою собственную промышленность; как изумительно добросовестна была она, видно по ее продуктам, по их тонкости и прочности, по точному выполнению мелких деталей, которые

при покупке вряд ли могут быть замечены. Но по вашей стране прокатилась волна обмана, плеснувшая оттуда, где дело есть дело, и где честность рассматривается лишь как наиболее целесообразный метод политики. Неужели вы ни разу не устыдились, видя, как рекламные плакаты с их ложью и преувеличениями не только залепили весь город, но проникают и в зеленые поля, где царит честный труд земледельца, и на вершины холмов, приветствуемые первым чистым лучом зари? Легко притупить нашу добросовестность и чуткость постоянным трением, в то время, как ложь—во имя торговли, политики, патриотизма—гордо выступает во всеоружии, так что всякий протест против ее дальнейшего проникновения в вашу жизнь считается сентиментальностью, недостойной разумного человека.

Дошло до того, что потомки тех героев, которые перед угрозою смерти не изменили бы своему слову, которые сочли бы недостойным обманывать людей ради низменных выгод, которые предпочли бы даже на войне поражение бесчестной победе, что их потомки усердно пользуются ложью и не стесняются таким путем добиваться своих целей. И все это сделано чарами „современного“ Но если голая полезность современна, то красота—вечна; если низменный эгоизм современен, то человеческие идеалы не суть изобретение недавних дней. И мы должны быть убеждены в том, что как бы ни было современно техническое уменье калечить и уродовать людей ради методов и машин—долговечным оно не будет.

Но пытаясь освободиться от претензий Европы и от нашего собственного ослепления, мы легко можем впасть в противоположную ошибку, ибо полное недоверие к Западу было бы также ослеплением. Когда мы пробуждаемся от иллюзии, то разочарование отдаляет нас на такое же расстояние от истины в противоположную сторону, на каком мы находились раньше. Мы должны попытаться удержать полную ясность духа и, сознавая опасность и борясь с нею, сохранить спра-

ведливость к ее причине. Нас нередко искушает соблазн—отплатить Европе ее же монетою и отомстить за презренье—презреньем, за зло—злом. Но это было бы лишь подражанием одной из худших черт Европы, обнаруживающейся в ее отношении к тем народам, которые она называет желтыми или красными, коричневыми или черными расами. Здесь мы, восточные народы, должны признать свою вину, столь же большую, если не бóльшую, ибо мы оскорбляли человечество, относясь с величайшим презрением и жестокостью к людям, принадлежавшим к другой вере, расе или касте. Только потому, что мы боимся нашей слабости, трепещем даже перед кажущейся силой, мы стремимся заменить ее другою слабостью, делающею нас слепыми к тому, что составляет действительную гордость Запада. Лишь когда мы действительно будем знать великую и благородную Европу, мы сможем успешно защищаться от низкой и корыстолюбивой Европы. Трудно судить беспристрастно, когда видишь человеческое горе, и когда сердце страдает, поневоле рассудком овладевает пессимизм. Но потерять веру в человечество может лишь тот, кто потерял веру в высшую силу, что вновь возвышает его, когда оно ниже всего пало, и взращает на развалинах новую жизнь. Мы не должны забывать о том, что Запад имеет живую душу, ведущую тихую борьбу с его чудовищными организациями, чуждыми всяких духовных и человеческих законов, живую душу, чуткость которой не может быть совершенно притуплена опасною привычкою сурово обращаться с теми народами, к которым у него отсутствует естественная симпатия. Запад никогда не мог бы достигнуть той высоты, на которую он поднялся, если бы его сила была только силою дикого зверя или машины. Божественное в его душе страдает от тех ран, которые его рука наносит миру, и из этого страдания его лучшей природы течет тайный бальзам, который исцелит все нанесенные им раны. Он всегда снова и снова начинал борьбу с самим собою, и снимал цепи, надетые его

собственными руками на бессильные члены; и если он только из-за низменных денежных выгод вынуждал побежденный им великий народ выпить яд, то он все же пытался затем исправить и искупить свой поступок. Это показывает нам, что на местах, кажущихся пустыми и бесплодными, бьют тайные источники человечности. Это показывает, что истинная сущность его природы, которая, может быть, переживет его трусость и жадность, есть не эгоизм, но благоговение перед бескорыстными идеалами. Мы были-бы несправедливы как к Европе, так и к нам самим, если бы сказали, что она пленила современный Восток только зрелищем своей мощи. Сквозь дым орудий и пыль рынков свет ее нравственной природы ярко светил нам, и принес нам идеал свободы, имеющей более глубокие основы, нежели общественные условности, и сфера реальности которой—весь мир.

Вопреки своей антипатии к Европе, Восток инстинктивно чувствовал, что ему предстоит многому научиться от нее не только в отношении материальной стороны ее мощи, но и в отношении ее внутренних источников, принадлежащих к духу и нравственной природе человека. Европа научила нас тому, что, кроме обязанностей по отношению к семье и роду, мы имеем и высшие обязанности по отношению к человечеству; она научила нас святости закона, делающего общество независимым от произвола отдельных лиц и обеспечивающего ему длительный прогресс и равноправиев—сем людям, независимо от их положения. Но, прежде всего, Европа в многовековых страданиях и борьбе высоко держала стяг свободы, свободы совести, свободы мышления и действия, свободы в искусстве и литературе. И именно потому, что Европа заслужила наше глубокое преклонение, она стала столь опасною для нас там, где она слаба и слепа, опасною, как яд, примешиваемый к нашей лучшей пище. Но мы можем спастись: мы можем призвать самое Европу, как союзницу в борьбе с ее пороками, ибо она всегда чтила свой нравственный

идеал, сравнением с которым мы можем доказать ей ее падение; так можем мы потребовать ее к суду перед ее же совестью и пристыдить ее; а такой стыд есть признак гордого сознания своего внутреннего благородства.

И все же мы боимся, что яд окажется сильнее по своему действию, нежели пища, к которой он примешан, и что то, что сегодня кажется силой, есть в действительности симптом болезни. Мы боимся, что зло, принявшее столь чудовищные формы, излучает роковые чары, и что хотя оно, в силу своего невероятного уродства, должно потерять равновесие, но что вред, который оно причинит при своем падении, окажется, быть может, непоправимым.

Поэтому я прошу вас, имейте эту силу веры и ясность духа, и поймите, что неуклюжая колесница современного прогресса, скрепленная железными скобами полезности и катящаяся на колесах честолюбия, не сможет долго удержаться в равновесии. Несомненно, будут столкновения, ибо ведь она должна катиться по рельсам организации, она слишком тяжела, чтобы свободно выбирать свой путь, и если только она сойдет с рельс, она увлечет за собой весь поезд. Придет день, когда она падет и превратится в груду обломков, и сделается серьезной помехой на мировых путях. Разве мы не видим уже теперь признаков этого неминуемого падения? Разве не доносится до нас, сквозь шум войны, сквозь крики ненависти и вопли отчаянья, через всю эту всколыхнувшуюся ныне грязь, что веками копилась на почве современной цивилизации,—голос, кричащий нам, что башня национального эгоизма, называющего себя патриотизмом, и дерзко вздымающего к небу знамя предательства, заколебалась, и с неописуемым грохотом рухнет, увлеченная своею собственною тяжестью, так что флаг ее коснется праха, и свет ее погаснет? Братья мои, когда красные шипящие огни этого великого пожара со смехом взовьются к звездам, верьте звездам, а не огню-уничтожителю. Ибо, когда этот пожар истощится и погаснет и оставит, как па-

мятный знак, лишь кучу золы,—вечный свет вновь засветит на Востоке, где родилась заря истории человечества. И кто знает,—не занялся ли уже этот день, не взошло ли уже солнце на дальнем горизонте Азии? Тогда я приветствую, как певцы нашей древности, зарю этого восточного солнца, которому суждено еще раз осветить весь мир.

Я знаю, мой голос слишком слаб, чтобы возвыситься над шумом этого суетливого времени; всякому мальчишке легко бросить мне окрик; „непрактично!" Это слово пристанет ко мне, и его нельзя будет смыть, и все почтенные люди перестанут обращать на меня внимание. Я знаю, какой опасности приходится подвергаться со стороны грубой толпы, если носить звание идеалиста—ныне, когда троны потеряли свое достоинство, а пророки стали анахронизмом, когда голоса рынка заглушают все остальные голоса. И все же, когда я однажды стоял на окраине города Иокогамы, переполненного разными современными вещами, и смотрел, как солнце медленно погружается в южное море, когда я увидел, как оно в своем тихом величии покоится между вашими покрытыми соснами холмами,—когда я увидел, как великий Фуджияма бледнеет на золотом горизонте, как бог, изнемогающий под великолепием своего сияния,—тогда, сквозь вечернее молчание, донеслась ко мне музыка вечности, и я знал, что небо и земля со всей их красотою на стороне поэтов и идеалистов, а не на стороне людей рынка, с их грубым презрением ко всякому чувству; я знал, что человек, забыв на время о своем божественном происхождении, снова вспомнит о том, что небо всегда соприкасается со своею землею, и не навсегда отдало ее на растерзание хищным волкам современности.

III

НАЦИОНАЛИЗМ В ИНДИИ.

Наша действительная проблема в Индии не имеет отношения к политике. Она социальна. Но такой же взгляд на дело имеет свои преимущества не только в Индии, но и среди всех народов. Я не верю в исключительность политических стремлений. Политика на Западе получила господство над западными идеалами, и мы в Индии стараемся подражать этому. Нам следует помнить, что в Европе, где народы с самого начала сохраняли свое племенное единство и где естественные дары природы были недостаточны для обитающих там, цивилизация естественно приняла черты политического и торгового захвата. Ибо, с одной стороны, не было внутренних трений, с другой же стороны приходилось иметь дело с соседями сильными и хищными. Разрешением явившихся здесь затруднений послужило доведенное до совершенства соединение их всех вместе, с той целью, чтобы стоять настороже во враждебных отношениях с другими. Раньше они организовывались для разбоя, и теперь тот же дух их одушевляет: они организовываются вместе и занимаются вымогательством во всем мире.

Но с ранних дней своей истории перед Индией неуклонно стояла ее собственная трудность — это была трудность расовой проблемы. Каждый народ должен сознавать свое назначение, и мы в Индии

должны понять, какую жалкую роль мы играем, когда стараемся быть политиками просто потому, что мы еще не совершили окончательно того, что поставлено пред нами в виде задания Провидением.

Этот вопрос расового единства, который решается нами в течение долгих лет, согласуется с тем, с чем встречаетесь вы здесь, в Америке. Многие граждане этой страны спрашивают меня, что собственно произошло при разделении на касты в Индии. И когда этот вопрос задается, он обычно делается с видом превосходства. А мне хочется задать тот же самый вопрос своим американским критикам, слегка его только изменив: «Как вы обошлись с краснокожими и с неграми?» Ибо вы не сумели отнестись к ним лучше, чем относится каста к касте. Вы применили к делу насильственные способы борьбы для того, чтобы охранить себя от смешения с другими племенами, но покуда вы не разрешили этой проблемы в Америке, вы не имеете права обращаться с вопросами к Индии.

Несмотря на затруднительность того положения, в котором она находилась, Индия как никак что-то сделала. Она попыталась приспособить жизнь различных племен друг к другу, признать действительные различия там, где они существуют, и все же отыскать известную основу для единства. Эта основа определилась в учениях таких наших святых, как Нанак, Кабир, Чайтанья и другие, проповедующие одного Бога для всех племен Индии.

Разыскивая разрешение этой трудности, мы одновременно способствуем разрешению мировой проблемы. То, чем была Индия, тем становится сейчас весь мир. Он весь стал одной страной, благодаря достижениям науки. И пришло время найти для Вас такую основу единства, которая находится не в области политики. Если Индия сможет предложить миру свое решение, это пойдет на пользу всему человечеству. Есть только одна история—история человека. Все национальные

истории только главы в этом более обширном повествовании. И мы готовы в Индии понести всякие жертвы на пользу столь великого дела.

Каждому индивидууму свойственно себялюбие. Поэтому грубый инстинкт заставляет его бороться с другими в преследовании интересов одного только себялюбия. Но у человека имеются также более высокие инстинкты симпатии и взаимопомощи. Те люди, которые лишены этой высшей нравственной силы и поэтому не могут образовывать взаимные содружества, должны или погибнуть или жить в состоянии разложения. Только те народы, у которых был силен этот дух сотрудничества, выжили и создали цивилизацию. Так мы видели, что с начала истории люди должны выбирать между взаимной борьбой и соединением, между обслуживанием своих собственных интересов и общего интереса всех.

В ранней стадии нашей истории, когда географические границы каждой страны, а также и средства передвижения были незначительны, это затруднение было сравнительно невелико по своим размерам. Для людей было достаточно развивать свое чувство единства на основе обособленности места их жительства. В эти дни они соединялись друг с другом и враждовали с другими. Но истинной основой их величия был нравственный дух соединения, и он поощрял в их жизни искусства, науки и религии. В это древнее время самым важным обстоятельством, с которым приходилось считаться человеку, было наличие членов одного особого племени людей, сошедшихся вместе в тесном сожительстве. Те, кто высшими своими природными свойствами охватили подлинное значение этого факта, оставили за собой след в истории.

Самым важным моментом современной эпохи является то, что различные человеческие племена тесно соприкоснулись вместе. И опять перед нами две альтернативы. Вопрос в том, станут ли различные группы народов бороться друг с другом или найдут известную

верную основу для примирения и взаимопомощи; будет ли бесконечно длиться соперничество, или наступит сотрудничество. Я, не колеблясь, скажу, что в эпохе, которая теперь перед нами развертывается, наиболее прочное место займут те, кто одарен нравственной силой любви и прозрения духовного единства, кто менее всего чувствует вражду к другим и обладает симпатической силой, дающей возможность входить в положение других; а те, кто постоянно развивали в себе инстинкт борьбы и нетерпимости к другим, будут устранены. Такова проблема, которую нам нужно разрешить, и мы должны обнаружить свою человечность, разрешив ее при помощи свойств нашей высшей природы. Гигантская организованность для столкновения с другими и уклонения от их ударов, для накопления денег путем оттеснения других не помогут нам. Наоборот, при сокрушении их тяжести, когда на голову живущего человечества обрушится вся их чрезмерная сложность и мертвящее влияние, они значительно помешают нашей свободе в более широкой жизни высшей цивилизации.

Во время эволюции нации, нравственная культура братства ограничивалась географическими пределами, так как в это время они и были истинными границами. В настоящее время они стали воображаемыми линиями, держащимися только по традиции и лишенными свойств действительных препятствий. Так наступило время, когда нравственная природа человека должна или учесть всю значительность этого важного обстоятельства или погибнуть. Первым следствием этого изменения в окружающей среде было воззрение низших человеческих страстей, похоти и жестокой вражды. Если это будет продолжаться бесконечно долго, и вооружения в своих преувеличениях достигнут трудно представимых нелепостей, машины и склады покроют все то, что ни есть на нем прекрасного, своими грязью, копотью и безобразием, то, в конце концов, мы придем к горячке самоубийства. Тогда человеку нужно будет призвать на

помощь всю свою силу любви и ясности видения, что бы создать новое нравственное соглашение, которое обнимет собой весь человеческий мир, а не только разрозненные национальные группы; к каждому человеку нынешной поры обращается призыв подготовить себя и своих окружающих к наступлению новой эры, когда человек раскроет свою душу в духовном единстве всех человеческих существ.

Если вообще Западу суждено выбраться из теснин этих более низших склонов к духовной вершине человечности, то я не могу не полагать специального призвания Америки в осуществлении этой надежды Бога и человека. Ваша страна заставляет ожидать от себя многого, так как вы желаете большего, чем есть сейчас у вас? Европа уже выработала в подробностях свой образ мыслей и свои условности. Но Америка, как никак до сих пор еще не сложилась Я окидываю взглядом, насколько Америка не затронута традициями прошлого, и прихожу к выводу, что экспериментирование служит признаком юности Америки; основание ее славы в будущем скорее,чем в прошлом,—и тот, кто одарен даром ясноведения, должен полюбить грядущую Америку.

Америке надлежит оправдать западную цивилизацию перед взорами Востока. Европа потеряла веру в человечность, и вот ее охватила болезненная недоверчивость. Америка, с другой стороны, чужда пессимизму и какой-либо блажи. Весь народ у вас знает, что есть степени в лучшем; и это знание всюду вами двигает. Есть обычаи не чисто пассивные, но вызывающие по захватности своих стремлений. Они подобны не простым только преградам, но целым изгородям из жгучей крапивы. Европа взращивала в течение долгих лет эти изгороди вокруг себя, пока они не окружили ее со всех сторон,— густые, упругие и высокие. Под гордостью традиций далеко в глубь ее сердца вошли эти корни. Я не имею намерения настаивать на бессмысленности этого. Но всякого рода гордость, в конце концов, вызывает слепоту. Подобно всяким искусственным возбудителям сна-

чала она способствует повышению ясности сознания, а затем, при увеличении своих приемов, затемняет голову и вызывает возбуждение, сбивающее с толку. Европа постепенно закоснела в своей гордости во всех своих внешних и внутренних обычаях. Она не только не может забыть о своем западничестве, но она еще пользуется всяким удобным случаем для ворчливого заявления об этом в целях унижения других.

В этом причина, почему она не в состоянии приобщить Восток к лучшему, что в ней, и принять правильным образом ту мудрость, что Восток накоплял веками.

В Америке национальные обычаи и традиции не успели еще распространить свои цепкие корни по всей поверхности ваших сердец. Вы постоянно ощущаете вашу недостаточность и жалуетесь на нее, когда вы сравниваете свою кочевую жизнь с укрепившимися традициями Европы, которая в самом выгодном освещении умеет показать картину своего величия, так как она может опереть ее о фундамент прошлого. Но в наше переходное время, когда новая эра цивилизации послала свой трубный призыв ко всем народам мира через всю необ'ятность будущего, самая эта свобода отделения от почвы сделает вас способными к восприятию ее призывов и к осуществлению той цели, к которой начала продвигаться Европа, но застряла на полдороге. Ибо она совращена с своего пути гордым сознанием мощи и жаждой владения.

Не только ваша свобода от обычаев, свойственных индивидуальному укладу ума, но также и свобода вашей истории от запутанности в темных делах, делает вас пригодными для того, чтобы нести знамя цивилизации будущего. Все великие европейские державы имеют свои жертвы в других частях мира. Это не только мертвит их нравственное чувство, но также понижает и интеллектуальные симпатии, которые столь необходимы для взаимного понимания тех, кто отличается друг от друга по крови. Англичане никогда не могут по настоящему понять Индии, так как их взгляды никогда не могут стать бескорыстными по отношению к этой стране. Если вы сравните Англию с Германией и

Францией, то вы увидите что в ней меньше всего ученых, которые изучали индийскую литературу и философию, хоть с некоторой степенью симпатического проникновения и меткости взгляда. Подобное отношение к делу, продиктованное апатией и презрением, естественно там, где связь противоестественна и основана на национальных себялюбии и гордости. Но ваша история чужда корыстных интересов, и вот почему вы оказались в состоянии помочь Японии уроками западной цивилизации, и вот почему Китай может взирать на вас с самым глубоким доверием в наиболее мрачный период опасности. В самом деле, на вас лежит вся ответственность за великое будущее, так как вы не затронуты едкой скаредностью прошлого. Поэтому из всех стран земного шара Америка должна обладать наиболее полным предчувствием этого будущего, ясность ее взгляда не должна затемняться, и вера в человечность останется равной по силе ее юношескому пылу.

У Америки и Индии существует параллелизм в развитии, сводящийся к тому, что там и здесь сливаются различные племена.

В родной нам стране мы пытаемся найти что-то общее для всех народов, в чем обнаружится их настоящее единство. Ни один народ-государство, занятый розысканием только политического и торгового единства, не удовлетворится подобным решением. Люди мысли и силы раскроют это духовное единство, осознают его и станут его проповедывать.

Индия никогда не обладала истинным чувством национализма. Хотя с детства меня учили поклоняться нации, как чему-то стоящему почти что выше почитания Бога и человечности, по моему мнению, я перерос эти поучения, я убежден в том, что мои соотечественники подлинно осознают сущность своей Индии, борясь с той системой воспитания, которая учит ставить выше страну, чем идеалы человечности.

Образованный Индиец в настоящее время старается извлечь из истории ряд поучений, противоречащих тому, что видели в ней наши предки. Восток, действительно,

пытается перенять ту историю, которая не является порождением его собственной жизни. Япония, например, полагает, что она станет мощной при помощи усвоения западных методов, но если будет исчерпано то, что ей досталось по наследству, у нее останутся только действенные орудия цивилизации. С того момента она перестанет развиваться.

У Европы есть прошлое. Поэтому силы Европы заключены в ее истории. Мы в Индии должны твердо помнить, что нельзя занимать у других народов их исторического развития и что всякая задержка собственной истории ведет к самоубийству. Когда вы берете в долг вещи, которые не принадлежат к вашей жизни, они только наносят ей ущерб.

И поэтому я полагаю, что нехорошо для Индии состязаться с западной цивилизацией на собственном поприще последней. О, мы будем совершенно вознаграждены, если несмотря на все нанесенные нам оскорбления все же сможем следовать своей собственной судьбе.

Бывают уроки просто снабжающие нас сведениями и подготовляющие наш ум для собственных изысканий. Дело их просто, и они могут успешно даваться и усваиваться. Но есть другие, которые влияют на самую глубь народа и изменяют направление нашей жизни. Раньше чем пойти на них и оплатить их частью наследственных ценностей, мы должны остановиться и глубоко задуматься. В истории человека бывают периоды сплошных фейерверков, ослепляющих нас своей силой и мельканием. Эти фейерверки соревнуют не только со скромной ночной светильней, но и с вечным блеском звезд. Но не следует поддаваться их вызову и торопиться в стремлении обойтись без огня дома. Будем терпеливо переносить тепершние наши оскорбления и проникаться мыслию, что эти фейерверки великолепны, но непостоянны, так как особая взрывчатая сила, служащая причиной их мощности, в то же время и причина их истощения. Количества энергии и вещества, ими потраченные роковым образом превосходят размеры приобретенного.

Как никак наши идеалы развивались в течение всей

нашей истории, и даже если бы мы захотели, то из них получился бы мало заметный фейерверк, так как они по составу своему отличны от ваших и равным образом имеют иное нравственное назначение. Если бы все наше честолюбие мы вложили в желание добиться политической национальности, это было бы также нелепо, как если бы Швейцария поставила на весы свое существование из-за честолюбивого стремления выстроить флот достаточно мощный для состязания с Англией. Ошибка, нами совершаемая, заключается в мнении, что путь человеческого величия все один и тот же, что это тот путь, который так печально обнаружился в последнее время, когда раскрылась самая глубина неистовства.

Мы должны твердо знать, что перед нами будущее и что это будущее принадлежит тем, кто богат нравственными идеалами, а не одними вещами. И преимуществом человека служит умение трудиться ради плодов, лежащих за пределами его непосредственного достижения, и выпрямлять свою жизнь не путем рабской привязанности к примерам нынешнего успеха или даже к мудрости собственного прошлого, всегда ограниченного по своим стремлениям, но согласовать ее с бесконечным будущим, несущим в своем сердце идеалы наших величайших ожиданий.

Мы должны признать руку Провидения в том, что Запад предстал пред глазами Индии. И все же нужно указывать и Западу на Восток, убеждать Запад в том, что Восток должен принять свою долю участия в истории цивилизации. Индия не может жить одним подаянием Запада. Но пусть даже Запад так думает о ней, в ответ на это я не отброшу западной цивилизации и не стану настаивать на полном выделении нашей независимости. Будем пребывать в полном содружестве. Если Провидение склонно превратить Англию в орудие общения путем этой более глубокой связи, то я смиренно готов подчиниться такому положению дела. Я глубоко верю в человеческую природу, я полагаю, что Запад найдет свое истинное назначение. У меня на устах горькие слова по поводу западной цивилизации, когда я вижу, что она

обманывает доверие к себе и извращает свое собственное назначение. Западу не следует становиться проклятием мира, применяя свою мощь для удовлетворения своих корыстных нужд, но научая несведущего и помогая слабому, он должен избегать самой страшной опасности, которая грозит сильному; того, что он примется заставлять слабого добиваться силы, достаточной для противодействия его вторжению. И точно так же он не должен видеть в своем материализме последнюю цель, но обязан помнить о том, что перед ним задача освобождения духа от господства материи.

Я не против какой-либо нации в частности, но я против общей идеи всенационального. Что такое нация?

Это тот образ, что принимает весь народ как организованная сила. Эта организация постоянно делает население настойчивым в стремлении к укреплению своей силы и производительности, но эта напряженная гоньба за силой и производительностью отвлекают энергию человека от более глубокой его природы, которая полна самопожертвованием и творчеством. Поэтому свойственная человеку сила самопожертвования уклоняется от своего последнего задания, ведущего к нравственности, ради поддержания этой организованности, которая есть механизм. Но в этом она получает полное удовлетворение своей нравственной воодушевленности и поэтому становится крайне опасной для человечности. Она чувствует себя освобожденной от обязанности повышать степень сознательности человека, когда она может перенести лежащую на нем ответственность на машину, которая является созданием его разума, а не полной нравственной личностью. Но это развращающим образом действует на тех, кто почитает свободу, заставляет их поддерживать рабство в большей части мира, внушая приятное чувство гордости тем, что их долг уже выполнен; люди, которые по природе справедливы, могут совершать жестокие несправедливости как на деле, так и в своих мыслях, пребывая в уверенности, что они способствуют миру в розыскании его дезертиров; люди, которые честны, могут слепо идти на по-

хищение у других их человеческих прав в целях собственного самовозвеличения, нанося им еще новый удар тем взглядом, что подвергшиеся такой несправедливости и не заслуживают лучшего обращения. Мы видим, как в нашей каждодневной жизни небольшие организации чисто делового и профессионального порядка приводят к огрубению людей, не дурных по природе, и мы легко можем себе представить, какое моральное опустошение должно произойти в том мире, где целые народы яростно начинают организовываться в целях погони за богатством и силой.

Национализм является великой угрозой. Это то совсем особое, что в течение многих лет появлялось в конечном выводе всех волнений, колебавших Индию. И так как мы терпели правление и господство нации, строго политической по своему образу действий, мы попытались внутри нас самих, несмотря на заветы прошлого, возбудить чувство уверенности в политическом будущем, возможном для нас.

В Индии много различных партий с различными идеалами. Некоторые из них борятся за политическую независимость. Другие полагают, что время тому еще не пришло, и считают, что Индия может обладать правами, принадлежащими английским колониям. Они стремяться к возможно большей автономии.

В начале истории политической пропаганды в Индии не было того соперничества партий, которое наблюдается теперь. В то время была партия, известная под именем партии Индийского Конгресса; у нее не было реальной программы. Власть мало в чем могла ее упрекнуть. Она стремилась к более широкому представительству в Совете (Council House) и к большей свободе муниципального управления. Она желала кучи мелких улучшений, но у нее не было стойких идеалов. Поэтому меня мало восхищал ее образ действвия. Мое убеждение оставалось тем, что Индия больше всего нуждалась в положительной конструктивной работе, исходящей изнутри ее самой. В осуществлении этой работы мы должны решаться на все опасности и вы-

полнять те обязанности, которые по праву надлежат нам, хотя бы это происходило в тисках преследования; добиваться нравственной победы на каждом шагу, хотя бы в наших поражениях и страданиях. Мы должны показать тем, кто господствует над нами, что в нас есть доблесть нравственной силы, силы терпеть за правду. Где этого нельзя обнаружить, там нам остается только побираться. Было бы несчастьем, если бы все наши пожелания сразу осуществились бы, и я все время повторял и повторяю своим соотечественникам о необходимости собраться с силами для того, чтобы во-время выбрать удачный момент для творческой работы и дать выход своему стремлению к самопожертвованию, вместо того чтобы итти на нищенство.

Партия, как бы то ни было, потеряла влияние, так как народ скоро понял, сколь бесплодна была половинчатость преследуемой ею политики. Партия распалась, и на смену ей явились сторонники крайних взглядов, которые проповедывали независимость действий и отбрасывали в сторону метод выпрашивания, самый легкий способ освобождения умственных сил от ответственности перед своей страной. Их идеалы были основаны на западной истории. Они не питали никакой склонности к особым проблемам Индии. Они не признавали того очевидного факта, что в нашей социальной организации коренились причины, делающие индусов неспособными к копированию других. Что случилось бы с нами, если бы в силу каких-либо причин Англия покинула нас? Мы стали бы просто жертвой других наций. Те же недостатки социального строя остались бы в прежней силе. То, на что нам следует обратить внимание в Индии, сводится к необходимости устранения социальных привычек и идеалов, приведших к недостатку самоуважения и полной зависимости от тех, кто становился над нами, а такое положение дел создалось почти всецело в силу господства в Индии кастовой системы, а также благодаря слепой и ленивой приверженности к власти традиции, что стало невыносимым анахронизмом для нынешнего времени.

Еще раз я обращаю ваше внимание на трудности, с которыми встречается Индия, и которые она стремится преодолеть. Ее задача является задачей всего мира в миниатюре. Индия слишком обширна по своему пространству и слишком различна по своему племенному составу. Она состоит из ряда стран, соединенных вместе географической близостью. Она как раз противоположна тому, чем в сущности является Европа, именно, одной страной, разделенной на несколько частей. Так Европа в своей культуре и в своем развитии пользовалась преимуществами и мощью многих, соединенных вместе, и мощью только одного. Индия, напротив, естественным образом будучи многой и только случайно единой, все время страдала от разрозненности, от слабости своего единства. Подлинное единство подобно шару, который легко катить; но изломы угловатой вещи требуют того, чтобы ее тащили со всем напряжением сил. В оправдание Индии нужно сказать, что эта многообразность создана не ею самой; с нею приходится считаться, как с фактом, с самого начала ее истории. В Америке и Австралии Европа упростила свою задачу, почти с корнем уничтожив туземное население. Даже в настоящее время это стремление к искоренению ясно обнаруживается в неприязненном отношении к чужеземным племенам со стороны тех, кто сами приезжают чужестранцами во вновь занимаемые страны. Но Индия с самого начала терпеливо переносила племенные различия, и этот дух терпимости отличал ее на протяжении всей истории страны.

Ее кастовый строй вырос из этого духа терпимости. Ибо Индия все время проделывала опыты над таким развитием социального единства, которое позволяло бы самым различным народностям держаться вместе, пользуясь всеми благами свободы удержания своих собственных различий. Сдерживающие узы были ослаблены до пределов возможного, доведены до минимальной степени натянутости, как это только позволяли обстоятельства. Это в результате дало нечто, похожее

на Соединенные Штаты социальной федерации, получившее общее наименование Индуизма.

Индия почувствовала, что племенное различие должно быть сохранено, каково бы ни было обратное действие этого, и вы никогда не можете принудить природные силы принять на себя узкие ограничения общепринятого, не заплатив за это в один прекрасный день дорогою ценой. В этом Индия права; но ее ошибка в том, что различия человеческих существ не могут быть похожи на физические границы горных цепей, установленные раз навсегда—они текучи в своем жизненном потоке, изменяют свое направление, свои формы и свой размер.

Поэтому, в своем кастовом устройстве Индия признала племенные различия, но отвергла ту их изменчивость, которая предписывается законом жизни. Пытаясь избежать столкновения, она повсюду воздвигла неподвижные стены, так дав многочисленным племенам отрицательные преимущества мира и порядка, но лишив их положительных возможностей развития дальше. Она признала природу там, где ею производится различие, но для нее остался скрытым тот способ, каким образом это различие используется в космической игре бесконечных перемещений и сочетаний. Она справилась со всей правдой жизни там, где она была многообразной, но нарушила ее там, где она была вечно движущейся. Поэтому жизнь покинула пределы ее социальной системы и взамен ее воцарилось поклонение со всеми церемониями богопочитания той великолепной клетки с бесчисленными отделениями, которую Индия соорудила собственными руками.

То же самое произошло, когда она постаралась предупредить столкновения торговых интересов. Она приурочила различные промыслы и профессии к различным кастам. Это имело своим действием ослабление в желательную сторону бесконечной зависти и ожесточенности соревнования—соревнования, которое приводит к жестокости и насыщает все кругом глубокой

ложью и обманом. Здесь также Индия главную тяжесть ударения положила на закон наследственности, обойдясь пренебрежительно с законом изменения, и так постепенно низвела искусство до степени ремесла и вдохновение превратила в ловкость.

Как бы то ни было, от взгляда западных наблюдателей обычно укрывается то обстоятельство, что в своей кастовой системе Индия с полной серьезностью приняла на себя разрешение национальной проблемы таким путем, чтобы были избегнуты всякие трения, и в то же время каждая раса осталась бы свободной в своих пределах. Пусть Индия не достигла здесь полного успеха. Но вы должны также согласиться, что Запад, будучи в более благоприятном положении в силу однородности своего племенного состава, никогда не считался с этой проблемой, и где бы он ни сталкивался с нею, всегда старался итти самым легким путем ее полного непризнания. И здесь источник той направленной против Азии пропаганды, которая стремится к тому, чтобы у туземцев были отняты их права на честный заработок и на этих берегах вашей страны. В большей части ваших колоний вы допускаете их только на условии занятия наиболее низкого положения пильщиков леса и водоносов. Во всех других случаях вы или закрываете двери перед инородцами, или обрекаете их на рабство. Так вы разрешаете проблему расового соперничества. Каковы бы ни были преимущества такого решения вопроса, вы никак не можете признать, что оно диктуется высшими стремлениями цивилизации, а не низкими страстями корысти и ненависти. Вы говорите, что такова человеческая природа,—Индия также полагалась на свое знание человеческой природы, когда она строго разграничила племенные отличия путем твердых перегородок социальных различий.

Но мы на горьком опыте должны были обнаружить, что человеческая природа не то, чем она кажется, но то, что она есть по правде: это же сводится к бесконеч-

ности возможностей. И когда мы в своем ослеплении оскорбляем человечность в ее нищенском обличии, то она мстит за себя тем, что раскрывает нам, как мы здесь оскорбляем нашего Бога. Оскудение, на которое мы осуждаем других из-за нашей гордости и корыстности, приводит к оскудению нашей собственной человечности—и это самое ужасное наказание, так как мы его всегда слишком поздно замечаем.

Не только в своих отношениях к инородцам, но также в связях между различными делениями вашего собственного общества вам не удается достигнуть гармонии примирения. Духу вражды и соревнования здесь предоставляется полная свобода в его безудержном стремлении. И так как он берет свое начало из жажды богатства и силы, то ему неизбежно предстоит насильственная гибель. В Индии производство материальных благ было подчинено закону социальных ограничений. В основу его было положено стремление к совершенному удовлетворению общественных нужд. Но на Западе оно руководится порывом к соревнованию, цель которого возможно большая нажива индивидуумов. Но индивидуальное подобно геометрической линии; в нем одна только длина без ширины. В нем нет глубины для того, чтобы заполниться устойчивым. Поэтому его пожелания, его барыши никогда не имеют конца. В прямолинейном продлении его роста оно может пересечь другие линии, переплестись с ними, но у него никогда не будет законченной полноты, вследствие утонченности его обособления.

Во всех своих физических стремлениях мы натыкаемся на предел. Мы знаем, что в преодолении этого предела, мы переходим за предел здоровости. Но неужели у этого похотливого желания богатства и власти нет никаких границ, за которыми не простирается уже царство смерти? В этом национальном карнавале материализма разве не затрачивают народы Запада большую часть своей жизненной энергии на голое производство вещей и в пренебрежении творческими идеалами? И

разве цивилизация может пренебрегать законом нравственного благополучия, быть бесконечно во власти процесса пожирания материальных вещей, все более и более вздувающих ее внутренность? Человек в своих общественных идеалах естественно пытается руководить своими пожеланиями, подчинять их высшим заданиям своей природы. Но в мире экономики у наших пожеланий нет других ограничений, кроме спроса и предложения, которые могут взращиваться искусственно, при помощи счастливых случайностей индивидуальной жизни, и так вести к пиру тучности. В Индии наши социальные инстинкты накладывают ограничения на наши пожелания, быть может, с излишней крайностью их подавляя, но на Западе дух экономической организованности, чуждый нравственным задачам, подстрекает людей к постоянной погоне за богатством. Но разве никогда от этого не будет исцеления?

Идеалы, пытающиеся найти себе обнаружение в общественных установлениях, направлены к двум целям. Одна из них заключается в таком управлении нашими страстями и пожеланиями, которое способствовало бы гармоническому развитию человека, другая же в том, чтоб помочь ему в развитии бескорыстной любви к своим сотоварищам. Поэтому общество служит выражением тех нравственных и духовных стремлений человека, которые относятся к его высшей природе.

Наша пища таит в себе творческие начала, из нее строится наше тело; но не таково вино, которое только возбуждает. Наши общественные идеалы создают общественный мир, но когда наше разумение отвращается от них под влиянием воли к власти, тогда в этом состоянии отравления мы живем в мире противоестественности, где наша сила уже нездоровье и наша вольность уже не свобода. Потому политическая свобода не дает нам свободы, если не свободно наше разумение. Автомобиль не создает свободы движения, так как он есть только машина. Только когда свободен я сам, я могу воспользоваться им в целях своей свободы.

Мы никогда не должны забывать в наши дни, что народы, добившиеся политической свободы, вовсе не обязательно свободны, они только полновластны. Страсти, не приведенные у них к покорности, производят на свет громадные организации рабства под внешним обликом свободы. Те, кто накопление денег превратили в свою задачу, продали свою жизнь и душу тем богатствам и тем сочетаниям условий, олицетворением которых служат деньги. Те, кто увлечен своей политической властью и завистливо взирают в направлении расширения владычества над другими народами, постепенно ограничивают свою собственную свободу и человечность в пользу организации, необходимой для удержания в рабстве других народов. В так называемых свободных странах большинство народа не свободно, но на деле увлекается меньшинством к цели, которая даже неизвестна массе. Это возможно только потому, что народ не ставит себе целью нравственную и духовную свободу. Создаются грандиозные водовороты страстей, в которых народная масса чувствует себя оглушенной одной быстротой его бурления, и принимает за свободу это движение. Но обвинительный вердикт ожидает все это с неизбежностью смерти, так как правда человека заключается в нравственной правде, и его освобождение возможно только в духовной жизни. Общее мнение большинства теперешних националистов в Индии сводится к тому, что ныне должна окончательно завершиться полнота наших идеалов, так как задача построения общества уже выполнена за несколько тысячелетий до нашего рождения, и теперь мы свободны в приложении всех своих сил в направлении политического строительства. Нам никогда и не снилось обвинять несовершенство нашего социального строя в том, что оно послужило причиной нашей теперешней беспомощности, так как, в силу символа веры нашего национализма, мы считали, что социальное устройство Индии завершено раз навсегда на все будущее время нашими предками, ко-

торые обладали сверхчеловеческим даром прозрения и предусмотрительности на все будущее время. Поэтому за все наши несчастия, за всю близорукость, которая обнаруживается теперь, мы считаем ответственными исторические неожиданности, извне на нас обрушивающиеся. В этом причина того, почему мы видим нашу задачу в созидании политического призрака свободы на зыбком песке социального рабства. На самом деле мы стремимся запрудить подлинное течение потока нашей истории и позаимствовать мощь из источников истории других народов.

Те из нас в Индии, которые были во власти иллюзии, что политическая свобода сделает нас свободными, приняли символ веры, почерпнутый из уроков Запада, и потеряли свою веру в человечность. Мы должны помнить, что та мягкая вялость, которой мы восхищаемся в нашем общественном строе, станет источником опасности в политике. Та же самая инертность, которая приводит нас к идолопоклонству мертвым формам общественных установлений, создаст темницы в политике, разгороженные неподвижными стенами. Ограниченность симпатии, которая даст возможность для нас возложить на значительную часть общества тяжелое иго подчинения, утвердится в нашей политике в виде тирании несправедливости.

Когда наши националисты говорят о своих идеалах, они забывают, что национализм не имеет под собой основы. Те самые народы, которые твердо держатся за свои идеалы, оказываются наиболее консервативными в осуществлении своей социальной жизни. Националисты, например, указывают на Швейцарию, где, несмотря на племенные отличия, население сплотилось в один народ. Но вспомните, что в Швейцарии различные национальности могут скрещиваться путем смешанных браков, так как по крови они родственны. Но в Индии нет общности рождения. И когда мы говорим о западной национальности, мы забываем, что народы там не испытывают такого физического отвра-

щения друг к другу, какое существует у нас между различными кастами. Можно ли во всем мире указать на такой пример, где люди, которым не было бы позволено кровосмешение, проливали бы свою кровь друг за друга иначе, как только по принуждению и из-за денежных выгод? И можем ли мы когда-либо надеяться на то, что эти нравственные перегородки, препятствующие у нас смешению рас, будут устранены с пути нашего политического единства. Далее мы должны полностью признать то обстоятельство, что наши социальные ограничения все еще тираничны и пригодны только на то, чтобы делать из людей трусов. Если кто-либо мне скажет, что взгляды его отличны от взглядов окружающих, но он не решается их высказывать, так как иначе он подвергнется общественному остракизму, я прощу ему то, что он живет в неправде, лишь бы только вообще жить. Социальные привычки нашего ума, который заставляет нас превращать жизнь наших сотоварищей по существованию в тяжелое иго там, где они отличаются от нас даже в таких вещах, как выбор пищи, без сомнения останется в нашей политической организации и приведет к образованию таких моментов принуждения, которые нарушат всякое разумное различие, носящее знамение жизненности. И к неизбежной лжи и лицемерию в нашей политической жизни прибавится еще тирания. Неужели одно только имя свободы так ценно, что ради пустого звука мы пожертвуем нашей нравственной свободой?

Невыдержанность наших привычек не сразу обнаружится в юношескую пору расцвета нашей силы. Но постепенно она будет поглощать эту силу, и когда наступит период ее упадка, мы должны будем подвести итог и заплатить по пред‘явленным нам счетам, что приведет нас к банкротству. На Западе вы еще можете высоко держать свою голову, хотя ваша человечность ежечасно страдает от излишеств организованной силы. Индия в пору неистовой юности может принять в свои жизненные органы балласт своей социальной организован-

ности, затвердевшей до последней степени совершенства, но это окажется роковым для нее и приведет к прогрессивному параличу всей ее жизненной структуры. И в этом причина того, почему образованные классы общества в Индии не чувствительны к общественным нуждам страны. Они принимают самую неподвижность нашей социальной структуры за признак ее совершенства,—и так как здоровое чувство боли умерщвлено в членах нашего социального организма, они подпадают под власть того заблуждения, что эти нужды не требуют удовлетворения. Поэтому они думают, что всю их энергию, нужно только направить к единой цели политической борьбы Это похоже на человека, ноги которого сведены и не пригодны для употребления, и который все же тешит себя иллюзией, что они стали неподвижны, так как достигли последней степени своего совершенства, и вся беда только в том, что его палка коротка.

Вот что можно сказать о социальном и политическом возрождении Индии. Теперь я перехожу к ее промышленным силам. Здесь мне часто задавали вопрос, наблюдалось ли в Индии какое-нибудь промышленное оживление со времени британского владычества. Необходимо напомнить, что в самом начале британского правления в Индии наша промышленность была приостановлена, и с тех пор нам не приходилось уже встречаться с действительной попыткой поощрения, побуждающего нас противодействовать чудовищной организации мировой торговли. Нации-государства декретировали необходимость для нас остаться народом хлебопашцев и даже забыть об изготовлении оружия на все будущее время. Так Индия превратилась в уже заранее приспособленные для пищеварения кусочки питательного вещества, которые в любой момент могли быть поглощены всякой нацией, в самом зачаточном виде обладающей челюстями.

Поэтому Индия имела мало возможностей для развития своей самобытной промышленности. Я, с своей стороны, мало верю в косные организации нынешнего времени. Самый факт их внешнего безобразия свидетельствует о их

несоответствии со всем творением. Мощные силы природы обнаруживают свою правоту не в безразличии, но в красоте. Красота это та марка, которая кладется Создателем на его произведения, когда он ими удовлетворен. Все изготовления, носящие признаки грубого пренебрежения законами совершенства и бесстыдно выступающие углами своего безобразия, носят на себе вечное бремя божественного недовольства. Покуда ваша торговля чужда достоинству миловидности, она не настояща. Красота и ее близнец, правда, требуют досуга и наблюдения за своим ростом. Но страсть к выгоде не имеет никаких временных границ в своей прожорливости. Ее единственной целью служит производить и потреблять. Она не знает никакого сожаления ни к красоте природы ни к живым человеческим существам. Она ни на мгновение не поколеблется безжалостно раздробить красоту и жизнь, превратив их в деньги. Как раз эта безобразная грубость торговли вызвала презрение к ней в наши прежние дни, когда у человека был досуг незатемненным образом созерцать совершенства человечества. Люди в это время правомерно стыдились стремления к одному только накоплению денег. Но в последнюю эпоху господства науки деньги, вследствие ненормального роста своего накопления, заняли царский престол. И когда с высоты нагроможденных в товарные штабели вещей они оскорбляют более глубокие инстинкты людей, изгоняя красоту и благородные чувствования из всего, что их окружает, мы покоряемся им. Так как мы в своей малости не устояли перед предложенными здесь взятками, и наше воображение повергло в прах перед разросшейся до гигантских размеров плотью.

Но как раз эта закоснелость всего колосса, его бесконечная сложность служат подлинными признаками гибели. Пловец, который знает свое дело, не станет тратить силу своих мускулов на резкие движения, но так будет пользоваться ими, что это будет почти незаметно для глаза и позволит сохранять полную стройность и спокойствие движений. Подлинное отличие человека от животных

заключается в этой силе и достоинстве, которые внутренни и незримы. Но торговля современной цивилизации человека не только занимает слишком много места и времени, но и убивает место и время. Ее движения яростны, производимый ею шум нестерпимо громок. Она сама в себе несет свое осуждение, так как она попирает ногами то человечество, на котором сама воздвигается. Это —упрямая выработка денег за счет счастья. Человек сводится до своего минимума в целях предоставления возможно более широкого места своим организациям. Организация осмеивает человеческие чувства, стараясь покрыть их стыдом, так как они стояли на пути ее машин.

В нашей мифологии есть сказание о том, как человек, которому предстоит выполнить ряд испытаний для достижения бессмертия, искушается Индрой, Владыкой бессмертных. Если он поддастся им, он пропал. Запад в течение столетий стремился к бессмертию, как к своей цели, Индра наслал на него свои испытания. Они заключались в искушении обилием богатства. Запад набросился на богатства, и вся цивилизация его человечности запуталась в трущобах одичания машин.

Дух коммерции со всей варварской безобразностью своих аттрибутов составляет страшную угрозу всему человечеству, так как идеал мощи здесь ставится над идеалом совершенства. Он ведет к культу себялюбия, практикуемому в оголенной бесстыдности. Наши нервы более нежны, чем наши мускулы. Наиболее ценные для нас вещи детски беспомощны, когда мы отстраним от них наше заботливое попечение, которое требуется самой их ценностью. Поэтому, когда холодный в своей грубости поток власти неистово катится по большой дороге человечества, он стирает своей тяжестью все те идеалы, которые стали для нас дороги в мученичестве столетий.

Искушение роковое для сильного, тем более гибельно для слабого, и на почве Индии я не с приветом иду навстречу ему, хотя оно и ниспосылается владыкой бессмертных. Пусть наша жизнь будет про-

стой по своему внешнему виду и богатой внутренним достоянием. Пусть наша цивилизация твердо станет на основе социального сотрудничества, перестав опираться на экономическое вымогательство и распрю. Как за это приняться, когда зубы вампиров экономики вонзились в нашу живую плоть—в этом заключается задача, стоящая перед мыслителями всех народов Востока, которые верят в человеческую душу. Это указывает на леность и беспомощность, если мы принимаем условия жизни, навязываемые нам другими, обладающими иными идеалами. Мы должны действенным образом руководить мировыми силами, чтобы довести свою историю до ее окончательного завершения.

Из того, что сказано выше, вы легко видите, что я не поклонник экономики. Я охотно признаю, что существует закон спроса и предложеиня, и что человек тщится захватить больше вещей, чем для него это хорошо. И все же я упорствую в своем убеждении, что есть на свете гармония целокупной человечности, где нищета не раз'едает его богатств, где повержение ниц ведет к победе, смерть к бессмертию, и где в воздаяние Вечной справедливости те, что слывут последними, могут превратить свои унижения в труимфальный блеск.

IV

ЗАКАТ ЭПОХИ.

1.

Последнее солнце эпохи заходит посреди кроваво-красных облаков и в урагане ненависти.

Обнаженный эгоизм народов пляшет в безумно пьяном алкании, под звуки звенящих мечей и воющих песен мщения.

2.

Но голодная плоть нации в момент высшего исступления лопнет от ее бесстыдного обжорства.

Ибо она обратила весь мир в свою пищу

И, алчно облизывая и дробя и проглатывая большими кусками добычу,

Она набухает все более и более,

Пока посреди этого дьявольского пира не сверкнет внезапно небесный луч и не пронзит ее вздувшегося сердца.

3.

Пурпурное сияние на горизонте не есть заря твоего мира, о моя родина.

Это есть отблеск костра, на котором сгорает чудовищный труп: эгоизм народов, дожравшихся до смерти.

Твое утро ждет за тихим мраком Востока,

Оно ждет в терпеливом молчании.

4.

Будь бдительна, Индия!

Держи наготове твои жертвы для священного утра!

Пусть твой голос первым приветствует его и поет:

„Приди, мир, ты, из великого страдания Бога рожденная дочь,

Приди с твоей кошницей тихого счастья,

Приди с мечом мужества.

Приди с венцом кротости на челе!"

5.

О, мои братья, не стыдитесь, стоя перед гордыми и могучими,

В белом одеянии вашей простоты!

Вашей короной да будет смирение, а вашей свободой—свобода души.

На голом обиталище вашей бедности ежедневно вновь воздвигайте престол Божий,

И знайте: чудовищное не есть великое, и гордость длится не вечно.

СОДЕРЖАНИЕ

Части I и III переведены И. Я. Колубовским, II и IV М. И. Тубянским.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

Переводы сочинений Тагора, как с бенгальского [1]), так и с английского представляют ряд своеобразных трудностей. Одна из тем, созданных мировым распространением английского языка—это английская литература в Азии. Есть, конечно, азиаты, вполне усвоившие себе среднего стиля английский литературный язык, но это те, которые вполне ассимилированы европеизмом. Но у тех, что сохранили известные черты национальной своей физиономии, английский язык либо явно беднее и однообразнее среднего, как напр., у Р. Ч. Датта [2]), либо в нем заметно известное перенапряжение выразительности, делающее слог несколько вымученным, хотя бы и в пределах достаточно строгих норм. Таков именно английский язык не поэтических произведений Тагора, английское издание которых редактировано б. п. не им, а его друзьями или учениками бенгальцами. Такого рода особенность слога затрудняет, конечно, перевод, хотя, с другой стороны, пластичность и ясность образов Тагора и «внутренней формы» его фразы не оставляет желать лучшего. В настоящем сочинении не мало хлопот переводчикам причинило английское слово «Nation» (с большой буквы его б. п. пишет автор), которому невозможно подыскать точно соответствующий русский эквивалент, ибо оно означает, вообще,как „государство", так и «народ», но здесь у Тагора преимущественно „государство". Переводить его, однако, всюду словом государство было невозможно, т. к. все же, ведь, в английском языке имеется и слово state, означающее только «государство», а Тагор им не пользуется. Тогда и термин "национализм" пришлось бы заменить другим—пожалуй, словом «империализм», ибо это понятие точнее всего соответствует мысли Тагора; но и эта замена была бы нежелательна, т. к. этот термин определенно связан с европейской экономической наукой, зависимости от которой Тагор нигде не обнаруживает.

* *

К стр. 33. Bushido—японский термин, означающий (рыцарскую) доблесть.

К стр. 39—67. Эта глава появилась в 1918 г. в немецком переводе в изд-ве «Der Neue Geist» в Мюнхене, и с означенного не-

---

[1]) Перевод небольшой поэмы Тагора с бенгальского на русский помещен в № 1 журнала «Восток», вышедшем в Петрограде в текущем году.

[2]) Romesh Chunder Dutt, Ancient India (London, 1893) The Literature of Bengal (1895) и др. В таком же стиле стихотворения китайца Гу Хун-Мина в его Papers from a Viceroys yamen и т. д.

мецкого издания сделан был автором настоящих строк русскнй перевод, вышедший в Петрограде в 1919 г. отдельной брошюрой в изд-ве «Антей». Туда же входил и „Закат Эпохи“—здесь IV часть (стр. 92-3).

К стр. 55. Санскритское слово maitrî (дружба, любовь, симпатия) получило значение технического термина в буддизме, в силу чего и его японский эквивалент, связанный с известной идеограммой (№ 1154 в японско-русском словаре Позднеева) играет соответствующую роль в японском буддизме. Это слово в буддийском смысле означает любовь ко всем живым существам, и взято здесь Тагором как одно из связующих звеньев между Индией и буддийской Японией—а обращался он в этой своей речи, произнесенной в Японии, преимущественно к буддитской Японии, как это видно из всего контекста—то, что говорится на стр. 45-46.—Слово maitrî фигурирует в современном литературном бенгальском языке чаще, чем в классическом санскрите, в чем, б. м., проявляется наследие буддитских традиций в Бенгалии.

К стр. 69. *Нанак*, (1469—1538), индийский религиозный деятель, основатель религии *сикхов*; находился под частичным влиянием *Кабира* (1440—1518) мистического поэта, избранные поэмы которого, м. пр., переведены Р. Тагором с оригинала (язык хинди) на английский. *Чайханья* (1485—1533)—бенгальский мистик, хотя и не оставивший писаных сочинений, но тем не менее едва ли не главнейшая фигура бенгальской литературы. Все они—в большей или меньшей мере—монотоисты, противники кастового строя и „иконоборцы“.

К стр. 72. Взгляд на судьбу Америки. высказываемый здесь Тагором, вполне совпадает с воззрениями Эмерсона и Уота Уитмэна.

М. Т.

Тип. „ЗАРЯ“, ул. Толмачева 7. Главлит. № 3991 Тираж 3000.